

ВОПРОСЫ ВОЙНЫ и МИРА во ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯКОБИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЛЕТОМ 1793 года

Целью настоящей статьи является выяснение борьбы среди якобинцев по вопросам внешней политики и отношения Комитета общественного спасения к задачам революционной войны и к миру летом 1793 г. Хронологически изложение охватывает короткий, но имевший огромное значение в истории якобинской диктатуры период от обновления состава Комитета общественного спасения в июле 1793 г. до октября того же года. 10 июля Дантон не был переизбран в число членов Комитета общественного спасения. Обновление состава этого Комитета отразило рост влияния плебейских масс на якобинскую политику после крушения дипломатии Дантона весной 1793 г. и падения его популярности вследствие нежелания его прибегнуть к скорым и беспощадным мерам против врагов революции. Наступил июль—сентябрь 1793 г. — время наибольшего влияния плебейских масс на политику Комитета общественного спасения.

Одновременно на внешнюю политику якобинцев пытались оказать воздействие иностранные космополиты-эмигранты во главе с Клоотцем. Внимательное изучение взглядов «эбертистов» и Клоотца на задачи революционной войны и внешнюю политику показывает, что в корне неправильно отождествлять патриотическую революционную позицию в этом вопросе плебейских масс с пропагандой иностранными космополитами войны со всей Европой ради «всемирной республики», которая толкала якобинцев к авантюризму. Сделав смелые уступки народным массам, Комитет общественного спасения твердо взял курс на войну до последней крайности — *guerre a outrance* — для освобождения Франции и победы над контрреволюционной коалицией.

1. Революционный натиск народных масс и внешняя политика якобинской диктатуры летом 1793 года

а) Плебейские массы и вопросы войны и мира летом 1793 г.

Лето 1793 г. было самым опасным, критическим периодом для существования Французской республики. Юг и запад страны пылали в огне контрреволюционного восстания. Войска коалиции отбросили революционную армию от левого берега Рейна и вторглись во Францию. Они овладели тремя крепостями: Конде — 12-го, Майнцем — 22-го и Валансьеном — 28-го июля. Контрреволюционная коалиция двинула против Франции около 280 тысяч солдат. Национальный Конвент располагал почти таким же числом войск, но их революционная реорганизация еще не была закончена, и они были разбросаны по многим пунктам.

В это грозное время давление народных масс и плебейского крыла якобинцев на внешнюю политику бурно возрастало и в августе—сентябре 1793 г. достигло наибольшей силы. Натиск народных масс в лице Парижской Коммуны и народных обществ толкал Комитет общественного спасения к решительной внешней политике на основе беспощадной войны против контрреволюционной коалиции и против внутренних врагов.

Менее всего известны взгляды так называемых «бешеных» на внешнюю политику. Большая часть источников об их агитации среди плебейства парижских секций не сохранилась.² По-видимому, «бешеные» вообще мало интересовались внешней политикой. В центре их внимания стояли продовольственные вопросы — дороговизна, борьба со спекуляцией и ограничение права богатых распоряжаться своей собственностью в ущерб беднякам. Плебейство Парижа — рабочие, ремесленники — еще не вышло в своих требованиях за пределы мелкобуржуазного равенства, и с этой точки зрения «бешеные» смотрели на все вопросы политики. Жак Ру подверг резкой критике конституцию 1793 г. за то, что она не лишила богатых собственников возможности наживаться за счет бедных. Это была точка зрения той части плебейских масс, которая шла за «бешеным». Социально-экономические взгляды «бешеных» имели прогрессивное значение: они вплотную подводили к идее коммунизма, хотя сами «бешеные» вовсе не были коммунистами. «Французская революция, — писал Маркс, — вызвала к жизни идеи, которые выводят за Пределы идей всего старого мирового порядка. Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которая в середине своего пути имела своими главными представителями Леклерка и Ру и, наконец, потерпела на время поражение вместе с заговором Бабефа, — движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая, после революции 1830 г., снова введена была во Франции другом Бабефа Буонаротти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка».²

Но если социально-экономические взгляды «бешеных», разделяемые также и другими предстателями плебейских масс — Шометтом и Эбером, имели крупное прогрессивное значение, то их политическая тактика вела уже летом 1793 г. к расколу якобинского блока. «Бешеные» не только отвергали конституцию 1793 г., но и находили, что ни Конвент, ни Комитет общественного спасения не хотят и не могут защищать интересы беднейшего населения, и призывали последнее к непосредственным, стихийным выступлениям против торговцев и спекулянтов.³

Из вопросов внешней политики, затронутых в агитации «бешеных», нам известны только их выступления против вывоза припасов из Франции, также связанные с продовольственным вопросом и положением внешней торговли.

Состояние внешней торговли в 1793 г. резко изменилось к худшему. Война с Англией и попытка заблокировать Францию нанесли ей большой урон, который стал с особой силой ощущаться в августе 1793 года. С начала войны до полоумны сентября 1793 г. происходил постепенный паралич внешнего обмена. Наибольшие затруднения встречал ввоз товаров во Францию. Кроме войны, этому ввозу мешало резко ускорившееся с лета 1793 г. падение курса ассигнатов и суровые законы против спекуляции, принятые 26 июня и 27 июля.⁴ Но те же условия способствовали вывозу продовольствия и других товаров за границу, что вызывало бурное негодование плебейской части населения городов. К концу июля ассигнаты упали до 30 проц. нарицательной стоимости. Иностранное нашествие, восстания внутри страны, изъятие иностранных фондов, вывоз капиталов эмигрантами, прекращение переводов из-за границы губительно отозвались на вывозе и ввозе.

Первое ограничение вывоза продовольствия установлено еще в 1793 г., но даже в июне-июле 1793 г. Комитет общественного спасения, не желая нанести ущерб торговцам, еще не принимал мер против экспорта из Франции. Летом 1793 г. экспорт особенно оживился. Торговцы дешево сбывали товары за границу, боясь террора и реквизиций. Но необходимость снабжать армию и требования народа заставили Комитет 3 августа запретить вывоз без особого разрешения сахара, кофе, хлопка, кож, водки и сукон. Издание этого запрета было ускорено тем, что купцы ради наживы не стеснялись сбывать свои товары даже в государства, враждебные республике.⁵ 15-16 августа был принят декрет об осмотре грузов и наложении запрета на вывоз. 3 сентября было решено сделать исключение для нагруженных судов, но затем 13 брюмера (3 ноября) это постановление было отменено.

«Бешеные» резко «выразили негодующий протест народных низов, против вывоза товаров в ущерб интересам революционной республики. Жак Ру проповедовал полную изоляцию Франции от контрреволюционной Европы и закрытие границ. Летом 1793 г. в числе причин несчастий Франции он упоминал разрешение на вывоз съестных припасов за границу. Сначала «бешеные» добивались запрета на вывоз предметов первой необходимости, но в июле—августе они уже хотят прекращения всякой внешней торговли. В статье, напечатанной в августе» Жак Ру требовал от Конвента создания барьера между Францией и другими странами, который можно было бы перейти лишь ценою жизни и имущества. Следует, впрочем, отметить, что по вопросу об экспорте «бешеные» не отличались во взглядах от некоторых якобинцев. В Конвенте раздавались те же речи. Так, в августе Фабр д'Эглантин предложил закрыть границы.⁶ «Вы должны декретировать, — заявил он, — что все виды сообщения между Францией и заграницей прерваны... ваши товары, припасы, ваши произведения, ваше оружие не будет более вывозиться, чтобы питать и вооружать наших врагов». Как показал Матьез, Фабр д'Эглантин был дантонистом, но в этот момент он приспособлялся к требованиям плебейских масс, чтобы сохранить популярность. Большинство якобинцев не разделяло крайнего чисто отрицательного отношения «бешеных» к внешней торговле и внешним сношениям вообще.

В вопросе о способах террора и борьбы со спекуляцией и в своей точке зрения на Конвент и революционное правительство «бешеные» оказались изолированными и потерпели поражение.

Агитация «бешеных» против крупных собственников и Национального Конвента достигла наибольших размеров в июле—августе 1793 г., но встретила немедленный отпор со стороны якобинцев. Даже Марат⁷ и Эбер относились к ней враждебно; они не одобряли призыва «бешеных» к непосредственной народной расправе над спекулянтами и их борьбы против Национального конвента и Комитета общественного спасения. Робеспьер считал необходимым подавление движения «бешеных». Уже в конце августа и в сентябре 1793 г. движение «бешеных» было сломлено в результате ареста их вожаков, но оно не осталось бесплодным и содействовало тому, что Комитет общественного спасения под натиском народных масс перешел к крайним революционным мерам.

Главную роль в этом натиске народных масс сыграла Парижская Коммуна и ее вожди Шометт, Эбер и их сторонники, которых современники именовали «крайними» (*exageres*) и за которыми со времени процессов Шометта и Эбера закрепилось условное название «эбертисты». Летом и осенью 1793 г. они оказали мощное воздействие на внешнюю политику якобинской диктатуры. За их спиной стояли многочисленные массы городских ремесленников, рабочих и бил ноты. В этом широком, но еще мало изученном движении Эбер вовсе не был главою партии. Он

являлся только одним из нескольких влиятельных вожаков, издателем газеты «Le Pere Duchesne. «Эбертисты» разделяли значительную часть социальных требований бешеных». Они считали конституцию 1793 г. своим политическим идеалом, хотя некоторые из них были недовольны декларацией прав, которая предоставляла крупным собственникам неограниченное право накопления богатства и распоряжения своим имуществом. «Эбертисты» толкали Национальный Конвент и Комитет общественного спасения к крайним революционным мерам и к ведению войны а outrance, но, поскольку Комитет принялся за осуществление этих мер, они до конца 1793 г. оказывали революционной власти полную поддержку.

Средство расправы с внутренними врагами революции «эбертисты» видели в легальном терроре, организованном революционным правительством, а не в стихийных выступлениях народа против богачей и скупщиков, к которым призывали «бешеные». С этой точки зрения можно сказать, что вожаки «бешеных» уже с лета 1793 г. оказались вне якобинского блока и не поддерживали якобинское правительство. Можно считать, что за «бешеными» шла лишь незначительная часть плебейства и, в частности, секция Гравильеров. Главная масса городской бедноты шла за Парижской Коммуной и «эбертистами», которые по своей политической позиции 1793 г. продолжали составлять плебейское левое крыло якобинского блока.

«Эбертисты» достигли наибольшего влияния в сентябре 1793 года. Они имели мало сторонников в Конвенте, но последний уступал напору народных низов со стороны клубов и Парижской Коммуны. В конце августа «эбертисты» на время завладели большинством в якобинском клубе. Но их главной опорой была Парижская Коммуна, Клуб кордельеров и революционная армия. Шометт занимал пост генерального прокурора Коммуны; Эбер был его заместителем. Много «эбертистов» заседало в народных обществах и в революционных комитетах. Особенно сильно сказалось их давление на деятельность военных Комитетов и министерства. «Эбертист» Венсан занимал должность секретаря военного министра Бушотта, который посылал сторонников Эбера в армии для надзора за генералами.⁸

В секциях и клубах народные массы добивались провозглашения террора и революционного правительства до окончания войны, всеобщего максимума цен, создания революционной армии для проведения реквизиции, очистки армии и администрации от контрреволюционеров, передачи военных и гражданских должностей в руки санкюлотов и проведения войны а outrance против контрреволюционной коалиции. В августе Комитет общественного спасения и Конвент проявили медлительность, которая вызвала протесты народных масс и грозила вызвать раскол среди якобинцев. Эбер предсказывал, что контрреволюция произойдет менее чем через месяц, если только не будут изгнаны из армии дворяне, обновлен Конвент и реорганизован Комитет общественного спасения. Эбер опасался, как бы Робеспьер и другие «добрые граждане» не были изгнаны из Комитета. Не видя в правительстве решимости пойти на эти меры, он еще не желал, чтобы оно получило диктаторскую власть.⁹

Когда в Париж донеслась весть о занятии англичанами Тулона, 5 сентября произошла грозная демонстрация секций Парижской Коммуны с требованием решительных революционных мер. С этого времени под натиском клубов и Парижской Коммуны, Конвент и Комитет общественного спасения в сентябре начали проводить еще более энергичную политику. Был провозглашен террор подозрительных и создание революционного правительства, а затем последовало исполнение и других требований народных масс. Только в результате этих мер единство якобинцев было сохранено. После демонстрации 5 сентября в Комитет общественного спасения были включены Колло д'Эрбуа и Билло-Варенн, которые до конца 1793 г. оставались в нем проводниками плебейского влияния и лишь позднее резко повернули против «эбертистов». Один из вожаков «эбертистов» Ронсен стал во главе революционной армии, т.е. отрядов, предназначенных для производства обысков у богатых и реквизиций запасов продовольствия.

Поддержка народных масс дала «эбертистам» возможность оказать сильное давление на внешнюю политику якобинской диктатуры. На почве пропаганды войны а outrance и всемирной резолюции с ними летом 1793 г. пытались сблизиться космополиты-иностранцы во главе с Клоотцем — проповедником немедленной всемирной революции и создания всемирной «республики человеческого рода». Но вопрос о революции в соседних странах и сам по себе глубоко интересовал Парижскую Коммуну и «эбертистов». Плебейская масса живо интересовалась этим вопросом вовсе не потому, что им занимались космополиты-иностранцы. Газета Эбера «Pere Duchesne» требовала войны до полного уничтожения всех «тиранов» в государствах коалиции. В августе—сентябре 1793 г. в самом Комитете общественного спасения Эро де Сешель стал проводить политику революционизирования соседних стран.¹⁰

По распространенному среди реакционных буржуазных историков мнению программа чистки армии, войны а outrance и полного отказа от дипломатических сношений была выдвинута «эбертистами» с чисто карьеристскими целями для захвата в свои руки военных и гражданских должностей после удаления с них контрреволюционеров и «умеренных». Но это объяснение явно несостоятельно. Сила движения была не в отдельных примкнувших к движению авантюристах, а в стоявших за «эбертистами» народных низах. Действительно, наличие среди «эбертистов» лиц, заинтересованных в личной карьере, несомненно. Тем не менее это обстоятельство ничего не объясняет. Основую их влияния была популярность идей «эбертистов» среди городских ремесленников, рабочих и бедноты, которая сделала это течение влиятельной политической силой летом и осенью 1793 года. Для народных масс эти идеи представляли интерес как вопрос власти и политики, связанной с их требованиями. Объяснение популярности, силы и влияния пропаганды «эбертистами» войны а outrance и революции соседних стран можно найти, только раскрывая ее связь с интересами революционной мелкой буржуазии и плебейских слоев города и деревни, т.е. широких масс французского народа.

Революционная мелкая буржуазия и плебейство не имели своих завоевательных стремлений и материальных захватнических интересов вне Франции. С точки зрения борьбы с внешним врагом цель войны для них заключалась прежде всего в защите от контрреволюционной интервенции и в освобождении отечества. Распространение революции на соседние страны имело для них значение прежде всего как окончательная гарантия речного мира, благоденствия и безопасности после победы. В пропаганде «эбертистов» и в газете «Отец Дюшен» можно найти также призывы к захвату богатств привилегированных сословий соседних государств, чтобы ослабить их силу и сделать их неопасными для Франции.¹¹

Для народных масс война а outrance была выражением их мощного патриотического порыва, в борьбе с интервентами, но она имела и другой не менее важный смысл в области внутренней политики, который проливает дополнительный свет на их заинтересованность в беспощадном разгроме коалиции. Во второй половине 1793 г. война требовала применения чрезвычайных революционных мер. Служа орудием победы, эти меры в то же время были направлены против богатых собственников. С этой точки зрения они сами по себе отвечали социальным и экономическим требованиям беднейшей мелкой буржуазии и плебейства. Максимум цен, законы против спекуляции, террор, создание революционной армии защищали народные массы от ограбления их крупными собственниками и позволили перейти в наступление против последних, подкрепляемое всей силой военной необходимости и народно-патриотического подъема. С политической точки зрения мы видим то же самое. Военные меры — террор и создание революционных комитетов, широкая активность секций Парижской Коммуны, революционных клубов и народных обществ — давали распыленной и раздробленной мелкой буржуазии и городской бедноте политическую организацию и силу для борьбы не только с внешней, но и с внутренней контрреволюцией. Назначение способных революционных генералов и чистка армии были не только залогом успеха на войне, но и важнейшей гарантией против опасности военной диктатуры богатых собственников или даже дворян, осуществляемой руками военного командования. Достаточно вспомнить честолюбивые замыслы Дюмурье и Кюстина и почти общее убеждение современников в реальности подобной угрозы для существования республики, чтобы оценить все значение этого обстоятельства.

Намеченное нами объяснение взглядов «эбертистов» на войну и на революционные меры не является произвольным домыслом, а представляет собой вывод из развития их пропаганды и подтверждает всем ее содержанием, к которому нам и следует обратиться.

Во время революции внутреннее положение в стране оказывало мощное влияние на отношение к войне всех партий и течений, в том числе и течений среди якобинцев. Речь всегда шла о том, кому выгодна война или мир. Зимой 1792 г. война велась вне Франции, и военные победы укрепляли господство жирондистов и богатой торгово-промышленной буржуазии. В этих условиях Робеспьер, Марат и Эбер были противниками чрезмерного расширения войны. Но в ответ на попытку жирондистов запугать Конвент бесконечной войной в случае казни короля, Эбер, как и все якобинцы, немедленно занял противоположную позицию. Он призывал к войне ради всемирной революции, чтобы уничтожить всех королей и «тиранов», идущих войною на Францию. По его словам, мира хотят контрреволюционеры и жирондисты, подкупленные Англией.¹²

Весной 1793 г. взгляды Эбера на войну не отличались по своему содержанию от точки зрения Марата и Робеспьера и были враждебны авантюризму жирондистов и иностранных космополитов-эмигрантов. Все якобинцы желали победы над врагом. 8 марта новый мэром Коммуны — Паш призывал парижский народ к помощи бельгийцами к скорейшему выполнению декрета о наборе в армию 300 тыс. человек.¹³ Но намерения Дюмурье вызывали у якобинцев основательные подозрения. Марат, Эбер и Робеспьер требовали удаления из армии дворян генералов-изменников, как условия прочной победы.

Вопрос об изгнании дворян из армии и администрации обсуждался в печати и клубах еще перед 10 августа 1792 года. С конца января 1793 г. он стал более острым. 27 января в якобинском

клубе Марат, докапывал, что прочные победы невозможны, пока со главе армий не встанут санкюлоты. На этом же заседании была брошена тень подозрения на Кюстина. 8 марта Эбер к другим ораторы клуба потребовали закона об изгнании из армии дворян-офицеров. В газета «Pere Duchesne» Эбер призывал к передаче санкюлотам всех военных и гражданских должностей.¹⁴ 29 марта Робеспьер говорил о необходимости изгнать из армии ненадежных генералов.¹⁵

В первый момент после поражения у Неервиндена Эбер был охвачен острым сознанием того, что жирондисты долго старались «оглушить победами»¹⁶ своих противников и отвлечь их от внутренней борьбы к войне за пределами Франции. Эбер правильно считал, что жирондисты своей политикой подготовили поражение. Он с похвалой вспоминает предостережение Робеспьера не начинать войну, пока власть находится в руках контрреволюционеров. «Я уже предсказывал, черт возьми! — восклицает «Отец Дюшен», — что все наши победы пойдут прахом. Чтобы подкопаться под нас, вовлекли нас во всеобщую войну со всеми коронованными разбойниками». На этот раздел газета повторяет слова, брошенные когда-то Робеспьером против призывов жирондистов и иностранных космополитов-эмигрантов к войне, как средству силой произвести революцию в других странах. Главную цель войны Эбер видел в освобождении Франции и укреплении в ней завоеваний революции. «Сначала, — пишет он, — надо создать хорошие законы у себя в стране: не будем надеяться обратить рабов, которые благословляют свои цепи. Время и разум сделают то, что все нации разрушат тиранию», и нигде «философия не установит свое царство пушками и штыками; станем яростно сражаться для защиты нашей земли; будем едины, и нас никогда не смогут победить; создадим хорошие законы, которыми французский народ обеспечит свою свободу и счастье, и тогда другие нации последуют его примеру; у них откроются глаза, и они кончат тем, что уничтожат, как и мы негодаев, держащих их в цепях».¹⁷

Но вскоре после поражения у Неервиндена эти настроения плебейских масс и отражавшей, их чаяния газеты Эбера резко изменились. Возникла новая угроза иностранного вторжения и контрреволюции. Опасность вызвала взрыв воинственно-патриотических настроений среди народных низов и значительной части буржуазии; она придала новую популярность борьбе за революцию в соседних странах. С небывалой остротой встала задача защиты отечества от внешней и внутренней контрреволюции. Следовало дать отпор жирондистам, которые превратились в это время в сторонников капитулянтского мира ради защиты крупной собственности. 25 марта¹⁸ циркуляр якобинского клуба обвинял жирондистов в намерении заключить мир и отказаться от Бельгии. Марат и Эбер обрушивают на жирондистов свои нападки. Апрельское выступление Робеспьера в Конвенте против всяких предложений о мире было проникнуто протестом против жирондистской политики.

После установления якобинской диктатуры «эбертисты» возглавляют плебейское крыло якобинского блока. Стремления плебейских масс они выражают в двойственной им форме крайних принципов мелкобуржуазного равенства. Во внешней политике они провозгласили полное отрицание дипломатии и войну а outrance до уничтожения всех правительств коалиции. Эти требования соединялись в одно целое с защитою внутренних мер, гораздо более радикальных, чем политика мелкобуржуазных якобинцев-демократов — Робеспьера и Сен-Жюста. Не выходя в принципе из пределов представлений о мелкобуржуазном уравнительстве, «эбертисты» желали полнее осуществить его в соответствии с чаяниями плебейских масс городов, и деревенской бедноты. Развитие требований «эбертистов» в этом направлении происходило с известной постепенностью, которую легко можно проследить.

В июне—июле 1793 г. Эбер безоговорочно защищает конституцию 1793 года. «Ничего, кроме Конституции! — провозглашает он. — В ней заключается средство возрождения торговли, изобилия и уничтожения спекуляции». Самое важное, по мнению Эбера, — сохранение единства против Вандеи, и коалиции. Он призывает даже состоятельных буржуа сплотиться с санкюлотами в этой борьбе: пруссаки и австрийцы не пощадят ни богатых, ни бедных, как не пощадил купцов Сомюра.¹⁹ Из страха перед возможностью паники среди собственников Эбер осуждает стихийные выступления бедноты, к которым призывали «бешеные». Он порицает разгром булочных и захват запасов мыла толпою в Париже и в других местах. Санкюлоты, по его словам, должны «уважать личность и имущество».²⁰

К концу лета и осенью желания бедноты получают еще более определенное выражение в газете Эбера. «Pere Duchesne» требует распродажи национальных имущества мелкими участками²¹, законов против спекуляции, помощи бедным и просвещения для народа, «столь же необходимого, как хлеб».²² Террор для «эбертистов» приобретает значение не только военно-политической, но и социально-экономической меры. Он был нужен им для изъятия продовольствия у богатых фермеров и зажиточных крестьян посредством реквизиций и обысков. Законы против спекулянтов послужат для того, чтобы открыть доступ к закромам скупщиков при помощи гильотины.²³ Осенью «Отец Дюшен» призывает усилить активность революционной армии: террор обеспечит снабжение войск и больших городов. В департаментах следует создать продовольственные склады — магазины; весь урожай должен быть закуплен нацией. Распределение припасов Эбер предлагает производить по департаментам сообразно числу их населения.²⁴

Зимой 1793—1794 г. «эбертисты» пошли еще дальше в своей защите стремлений бедноты. Они выдвинули требование урезки крупных состояний — раздела крупных ферм и уничтожения торговой и землевладельческой аристократии,²⁵ «Pere Duchesne» желает, чтобы продовольствие в первую очередь получали «полезные люди», работники, которые «трудятся на других».²⁶

Из этих требований складывается целая картина общественного идеала мелкобуржуазной и плебейской демократии, как республики с явной тенденцией к уравнительству в его крайней плебейской форме» то есть с урезыванием крупных состояний. Торжество санкюлотов обеспечит, по мнению «эбертистов», царство равенства и просвещения. «Я вижу республику такой, какой она станет! — воскликнул Эбер, — санкюлоты составят единую семью, они будут знать только святое равенство».²⁷ Бедные получают доступ к знаниям. Закон Лепелетье о народном образовании вызывает восторг Эбера — он выгоден неимущим. Беднякам «надо лишь просвещение, чтобы перестать быть ими».²⁸ Война а outrance и разгром коалиции представлялись «эбертистам» путем к победе санкюлотов, которая приведет к общему миру и благоденствию: «ассигнаты приобретут большее доверие, торговля заживет новой жизнью, воцарится изобилие и все французы будут наслаждаться благами конституции».²⁹ С другой стороны, поражение или капитулянтский мир повлекут за собой контрреволюцию и безраздельное господство богатых собственников.

Заинтересованность плебейских масс и масс революционно-мелкой буржуазии в победе при помощи мер, одновременно поражающих и внешнего врага и крупную собственность внутри страны, определила особый крайний характер точки зрения «эбертистов» на войну и дипломатию.

«Эбертисты» отвергли всякие попытки переговоров о мире. В августе Эбер бичует дантонистов, которые агитируют за мир и продолжают дело Жиронды. Цель их — заставить санкюлотов принять мир «на коленях». Политика мира в глазах эбертистов равносильна восстановлению монархии. Эбер не верит в сделки с коалицией и в то, что прусский король признает республику.³⁰ По его словам, мир нужен богатым буржуа, для них собственность выше патриотизма. Негоцианты везде продажны и «не имеют отечества». Господство санкюлотов побуждает их восставать, и «они торгуются с Питтом, чтобы уступить ему колонии».³¹ Эбер убежден, что только санкюлоты охвачены истинным патриотизмом. Они клянутся «защищать ценою жизни единую и нераздельную республику», («de defendre jusqu'a la mort la republique une et indivisible») и требуют казни «тиранов», предателей и скупщиков.³²

В своей пропаганде непримиримой войны с тиранами вожаки плебейских масс иногда впадали в ошибки под влиянием авантюристических взглядов иностранных космополитов-эмигрантов. Подобно Клоотцу и другим космополитам-иностранцам Шометт стал высказывать пренебрежение к дипломатическим сношениям и в принципе отверг их полезность. На эту точку зрения Шометта могли навести ненависть к дворянской династической дипломатии и сочинения Руссо, полагавшего, что для идеальной непосредственной демократии нет необходимости в специальных органах дипломатии — посла и посланника. Даже дружественные отношения с нейтральными странами и торговля с ними не имели особой цены в глазах «эбертистов» и не вызывали с их стороны никакого интереса. «Эбертисты», по-видимому, не имели устойчивых воззрений на связи Франции с нейтральными государствами и считали, что война а outrance и скорая, по их мнению, всемирная революция сделают дипломатию совершенно излишней. К тому же какие бы то ни было сношения с королями и аристократическими правительствами казались им несовместимыми с революционными принципами. Летом 1793 г. «эбертисты» считали дипломатию годной разве только для того, чтобы возбуждать восстания в соседних странах. Эро де Сешель, приспособляясь к «эбертистской» пропаганде и взглядам космополитов-иностранцев, пытался летом 1793 г., проводить эту политику в Швейцарии. «Эбертисты» предъявили требование совсем отбросить дипломатию с ее приемами и институтами, как средство, годное, по их мнению, лишь для монархических правительств. Ту же точку зрения, но по другим мотивам, как увидим ниже, проводили иностранные космополиты-эмигранты. Такое огульное отрицание использования дипломатии для борьбы за победу над контрреволюционной коалицией было явным авантюризмом и вызывало неодобрение Робеспьера, опасавшегося всякого ухудшения отношений с нейтральными государствами и полной изоляции Франции.

Все внимание «эбертистов» было устремлено не к дипломатии, а к войне а outrance против коалиции и врагов революции внутри страны. Издержки войны «эбертисты» стремились возложить на богатых собственников. Еще в начале весны 1793 г. Эбер требовал, чтобы затраты на войну оплачивались теми, кто «насосался народной крови».³³ В мае—апреле «Отец Дюшен» желает заставить богатых кормить жен и детей санкюлотов, которые отправляются «надавать крепких тумачков разбойникам Вандеи».³⁴ Зимой 1793 г. о; предлагает «большой проект» — «обрезать крылья крупным фермерам, лавочникам и всем душителям народа» и «обеспечить изобилие для армии, сократив довольствие богатых бездельников и всех мюскаденов и мюскаденов».³⁵

Требование «эбертистов» снабжать продовольствием города и армии за счет богатых собственников сочеталось с отрицательным отношением к импорту припасов из-за границы. Ввоз продовольствия казался им не нужен, если его можно было извлечь из амбаров зажиточных

собственников. Помимо того, народные массы опасались, что развитие внешней торговли повлечет вывоз припасов за границу.

Перед отправкой на фронт больших масс санкюлотов «эбертисты» требовали расправы с контрреволюционерами внутри страды. Мысль об уничтожении внутреннего врага как о предпосылке военной победы была ненова. Ее высказал Робеспьер еще зимой 1791—1792 года. Затем, в более острой форме, о том же писали Марат и Эбер в сентябрьские дни 1792 года. Летом 1793 г. Эбер уверял в своей газете, что свыше 20 тыс. аристократов укрепились в Париже и ждут победы «тиранов» как сигнала, чтобы вырезать санкюлотов и произвести контрреволюцию.³⁶ Только после уничтожения притаившихся контрреволюционеров «санкюлоты» смогут отправиться без страха в армии «и двинуться массой на врага, чтобы нагнать разбойников, опустошающих наши границы».³⁷ «Санкюлотов», направляющихся в департаменты на праздник конституции, «Pere Duchesne» напутствует советом — сначала истребить там аристократов, скупщиков и финансистов, а затем «идти к границам».³⁸

Летом и осенью 1793 г. одним из важнейших требований «эбертистов» по-прежнему оставалось устранение ненадежных генералов и скорейшая реорганизация армии. Разумеется, нельзя утверждать, что реорганизация армии была делом только «эбертистов» и Парижской Коммуны, но, несомненно, что натиск парижских санкюлотов решающим образом ускорил ее и придал ей более радикальный характер. Сама по себе реорганизация армии была внутренней мерой, но она создавала военную мощь республики — орудие ее победы над контрреволюционной коалицией. Среди непосредственных исполнителей этой реорганизации были многие близкие по своим настроениям к «эбертистам» люди, заседавшие в военном министерстве и военных бюро. Революционная реорганизация армии сводилась к трем важнейшим задачам: переходу к массовому набору (*levee en masse*) и полному слиянию линейных батальонов с добровольческими, изгнанию дворян-контрреволюционеров с командных должностей и к созданию новой стратегии наступательных действий концентрированными и подвижными массами войск.

Летом 1793 г. особенно острое политическое значение приобрел давно назревший вопрос об удалении ненадежных генералов и офицеров-дворян. В начале 1793 г. военный министр Бернонвиль противился этой мере. С апреля его преемник, близкий к «эбертистам» военный министр Бушотт пытался осуществить ее, но встретил отпор со стороны Временного исполнительного совета и Комитета общественного спасения. Конвент заменил изменника Дюмурье маркизом Дампьером, 9 мая Бушотт безуспешно добивался от Комитета общественного спасения санкции на реорганизацию высшего командования и штабов. Для поддержки этой меры начинают свои натиски народные низы. 31 мая Парижская Коммуна в адресе Конвенту потребовала изгнания дворян с офицерских и административных должностей и вынесла об этом несколько постановлений — 2, 3 и 5 июня.³⁹ 26 июня такой же адрес Конвенту представили Клубы якобинцев и кордельеров, так как Временный исполнительный совет все еще мешал Бушотту действовать. 24 июня, по предложению Эбера, якобинский клуб представил Комитету общественного спасения петицию с тем же требованием. «Богатые, повторял Эбер в своей газете, интересуются больше собственностью, чем отечеством. Только масса санкюлотов непобедима: они одни могут возглавить победу». Но несмотря на то, что Дат она уже не было в Комитете, петиция оставалась безрезультатной. Клубы стали серьезно волноваться 31 июля у кордельеров Жюльен (Julien) призывал к новому восстанию для очистки армии и администрации. В тот же день Анрио предложил разделить имущество дворян и заставить их работать.⁴⁰

Перейти от слов к делу заставили капитуляция Майнца и Валансьена, измени Кюстина⁴¹ и решительный напор на правительство со стороны клубов и Парижской Коммуны. Особым декретом военному министру было дано право назначать генералов и офицеров штатов, невзирая на чины, и прежний порядок повышения в военных должностях отменялся, в первую очередь предполагалось сместить командование армиями.

Но и эти меры не удовлетворили народные общества, которые считали даже Бушотта недостаточно энергичным. 5 августа в якобинском клубе вновь потребовали немедленного изгнания всех дворян из армии. Дантонист Лежандр протестовал и заявил, что это надо сделать только постепенно.⁴²

В знаменитый день 5 сентября представители якобинского клуба и секций Коммуны вновь заявили Конвенту о необходимости немедленно очистить войска и учреждения от дворян. Лишь после этого в докладе Барер пообещал, что списки офицеров-дворян будут представлены на усмотрение Конвенту. 13 сентября секретарь военного министра Ксавье Одуэн (Audouin) заявил у якобинцев, что Комитет общественного спасения тормозит чистку армии. После этого нового выступления, 14 сентября, Комитет, наконец, принял принципиальное решение удалять из армии всех дворян по спискам, которые должен был представить военный министр. Но в этом постановлении была сделана оговорка, позволявшая сохранить лояльных и знающих офицеров дворянского происхождения: увольнение дворян должно было проводиться так, чтобы избежать «дезорганизации армии».⁴³ Так, под давлением «эбертистов» и народных масс был решен вопрос

о чистке армии. Победы, одержанные в дальнейшем генералами-санкюлотами, оправдали эти меры.

Такое же давление применили делегаты первичных собраний, революционные клубы и Парижская Коммуна чтобы добиться принятия декрета 23 августа о массовом наборе.⁴⁴

Народные общества много потрудились и для снабжения армия снаряжением и для организации военного производства. Военное ведомство, руководимое «эбертистами», и его агенты сыграли огромную роль в надзоре за генералами. Плебейские массы оказались крупной военной и политической силой, толкавшей якобинское правительство к скорой и решительной реорганизации армии и к твердой внешней политике на основе войны а *outranse* против коалиции.

Идею войны а *outranse* «эбертисты» дополняли «мыслью об уничтожении всех «тиранов» в результате всемирной революции. Еще осенью 1792 г., под влиянием жирондистов и Клоотца, Эбер был занят мыслью о всемирной республике.⁴⁵ Он увлечен этой перспективой, которая угрожала революционной Франции.

Идея всемирной революции была популярна среди санкюлотов Парижа. Она соответствовала их чувству ненависти к интервентам и желанию повсюду истребить королей и аристократов. Тем не менее вопрос о революции в других странах занимал плебейские массы и «эбертистов» гораздо менее, чем их главная цель: освобождение своего отечества и революционные меры внутри страны. Уничтожение всех «тиранов» представлялось только желательной гарантией от новых нападений монархов на Францию, своего рода залогом «вечного мира» в духе взглядов Руссо, который утвердится после повсеместной победы санкюлотов. Прочный мир с королями, по мнению «эбертистов», немислим. Он всегда будет только временным, неискренним и ненадежным (*la paix platree*). Война ведется «только потому, что есть дюжина свирепых скотов, именуемых королями».⁴⁶ С другой стороны, идея всемирной революции служила средством агитации против проектов капитулянтского мира. Она сохраняла широкую популярность среди народных масс до конца 1793 г., пока не ослабела угроза интервенции. Когда же враг был изгнан из пределов республики, увлечение ею в народных массах стало проходить.

«Эбертисты» иначе, чем Клоотц, представляли себе, как осуществится желаемая всемирная революция — силой французских революционных армий или же волей самих народов. Эбер не раз возвращался к мысли Робеспьера, что успех станет возможным лишь тогда, когда другие народы сами последуют примеру французов. Стоит лишь установить во Франции «святое равенство», и можно будет видеть, как «люди всех стран стекаются созерцать столь прекрасное зрелище и все нации подражают примеру французов. Все троны разбойников (*les brigands*) низвергнуты, все народы, наконец, свободны. Они клянутся в вечном мире и дружбе и великодушной нации, которая разбила их цепи».⁴⁷ Как увидим, этот взгляд резко отличает Эбера от Клоотца.

В заключение следует признать чистым измышлением попытку изобразить пропаганду войны а *outranse* и всемирной революции, как стремление «эбертистов» и плебейских масс к «грабежу» чужих земель и к погоне за «туземной и иноземной добычей».⁴⁸ Подобным намерения были чужды парижским санкюлотам, занятым внутренними интересами революции. Они желали путем войны а *outranse* защитить свое революционное отечество, сломить сопротивление богатых собственников и обеспечить торжество, связанной с интересами народных масс мелкобуржуазной демократии, с уравнительными порядками в духе требований плебейства. Их взгляды на внешнюю политику и войну были продиктованы им не одними задачами национальной обороны: они определялись также сознательно – экономическими и политическими интересами плебейских низов города и деревни в примыкавшей к ним частью мелкой буржуазии и были направлены против политики жирондистов и «умеренных», т.е. спутников Дантона летом и осенью 1793 года. Завоевание и ограбление соседних с Францией земель путем контрибуций, налогов и захвата культурных и материальных ценностей получило свое выражение позднее в войнах Директории и Империи и исходило от богатой буржуазии и ее армии. Оно велось в интересах французской крупной буржуазии и буржуазной военщины, выросшей из новой французской военной системы.

Совершенно необоснованным приходится признать и мнение Авенеля о тождестве взглядов на внешнюю политику плебейских масс, возглавляемых «эбертистами», и взглядов таких космополитов-иностранцев, как Клоотц.

б) Клоотц и проповедь «всемирной республики» со стороны космополитов-иностранцев

Если для плебейских низов и для «эбертистов» война ради всемирной революции была главной целью — на первое место они ставили отечество и осуществление их требований внутри страны, то для космополитов-иностранцев стояла задача использования Франции в целях освобождения их родных соседних с Францией земель от абсолютизма и феодализма силами французской армии. Представитель немецкого галлофильского космополитизма XVIII века,

происходивший из Клеве на Рейне Анахарсис Клоотц был выразителем этого взгляда. В ходе революции он попеременно присоединялся к различным партиям, которые в тот или иной момент подходили ему с этой точки зрения. С «эбертистами» он сблизился лишь весной, и летом 1793 г. и притом исключительно на почве борьбы с проектами мира, которые выдвигали жирондисты и Дантон. Еще осенью 1792 г. Клоотц и большинство космополитов-иностранцев ориентировались на жирондистов и успех их пропаганды революционной войны. Тогда со свойственным ему безвкусыным пафосом Клоотц прославлял Дюмурье, как «нового мессию». Революционная война за пределами Франции и политика присоединения соседних областей служили основой этого стремления Клоотца сблизиться с жирондистами. Но капитулянты мира оттолкнули от них Клоотца. Дантон со своей политикой компромиссов и сделок с коалицией также не мог сблизиться с «эбертистами» как наиболее яростными сторонниками беспощадной войны против коалиции.

Не все космополиты-иностранцы оказались способными на сближение с санкюлотами. Многие умеренные и богатые буржуа из их числа — иностранные банкиры-финансисты и поставщики были напуганы бурным развитием революционных событий: казнью короля, подъемом народного движения в Париже и изгнанием жирондистов из Конвента. Те же чувства испытывали иностранные литераторы и философы, подобные Томасу Пэйну, весьма радикальные на словах, но не решительные на деле. Победа якобинцев окончательно отвратила их от революции. Потеряв веру в жирондистов, они стали ориентироваться на Дантона, надеясь, что он остановит напор народных низов, предотвратит дальнейшие чрезвычайные революционные меры и заключит мир.⁴⁹

Нам плохо известно ближайшее окружение Клоотца в период его разрыва с жирондистами, но можно утверждать, что летом и осенью 1793 г. он собирал вокруг себя наиболее радикальных и близких санкюлотам космополитов-иностранцев. В клубе савойцев, который он основал, были лица из низших, неимущих слоев населения. Он обращался с революционными призывами к бедным классам Пьемонта⁵⁰ и считал, что политика присоединений к Франции соседних земель должна быть основана на союзе с «санкюлотами» присоединяемых областей.⁵¹ Впрочем сам Клоотц был богатым прусским бароном из Клеве, и среди друзей его можно назвать и богатого голландского банка Кока.

Война а outrance и распространение революции на Рейнскую Германию настолько увлекли Клоотца, что ради этой цели самые смелые меры внутри Франции получали его оправдание, как бы они ни были ему несимпатичны сами по себе в силу умеренности его взглядов. В сентябре 1792 г., когда Парижу грозило прусское нашествие, он одобрял расправу народа с заключенными в тюрьмах контрреволюционерами. Позднее он также с одобрением отнесся к казни Людовика XVI и к установлению якобинской диктатуры.

Разрыв Клоотца с жирондистами наметился еще зимой 1792 года. Его недовольство вызвало обнаружившееся расхождение во взглядах с жирондистами и, в частности, боязнь некоторых жирондистов увлечься территориальными присоединениями.⁵² В конце 1792 г. в брошюре «Ni Marat, ni Rolland» Клоотц резко выступил против департаментского федерализма жирондистов. Федерализм привел бы к ослаблению революционной Франции, военная и политическая мощь которой зависела от централизации власти. Другим его следствием было бы ослабление влияния Парижа, который все космополиты превозносили как «солнцу человечества» и «земного шара» (Capital du globe).⁵³ Весной и летом 1793 г. Клоотц видел спасение Франции в прочной централизации власти. Еще более острый протест Клоотца вызвали дипломатические замыслы жирондистов проект мира и союза с Пруссией, устройство Бельгийской республики под гарантией держав, планы войны с Испанией и раздела ее американских владений. Мир Французской республики с Пруссией означал для Клоотца возможность отказа от распространения революции на весь левый берег Рейна, включая и его родину — Клеве. Бельгийская республика казалась ему неприемлемой, так как он мечтал о всемирной республике для всего человечества; колониальные проекты жирондистов и война с Испанией могли в его глазах лишь отвлекать Францию от ее освободительной миссии на левом берегу Рейна. Если жирондисты стали весной 1793 г. желать капитулянтского мира, чтобы предотвратить установление якобинской диктатуры, то Клоотц хотел подчинить ее цели освобождения отечества находившихся во Франции революционеров-эмигрантов и космополитической задаче создания всемирной республики. Задача дипломатии, по его мнению, заключается лишь в том, чтобы повсюду подготовить восстания и низвержение «тиранов». Она не должна заключаться в поисках путей к сделкам и к соглашениям с коалицией.⁵⁴ 10 февраля Клоотц с негодованием жаловался в якобинском клубе, что Дипломатический комитет Конвента, членом которого он со стоял, должен быть возбудителем восстаний в соседних странах, а на деле является «их могилой»,⁵⁵ и предложил присоединить к французской нации жителей Шёнберга у восточных границ Франции.⁵⁶

В апреле 1793 г. жирондисты были далеко от подобных взглядов. Они отвергли и осмеяли главную мысль Клоотца — проект всемирной республики

Космополитический проект всемирной республики был окончательно разработан Клоотцем в период с конца 1792 г. до мая 1793 г. Сначала успехи революционной войны, а затем борьба с жирондистами побудили его подробно изложить свой идеал. Клоотц верит, что на французский народ во всех концах земли вскоре станут взирать, как в древности взирали на римских граждан. Французы станут гражданами всего мира, и только тогда «оратор человеческого рода завоюет свои очаги и своих пенатов».⁵⁷ Из этих слов можно видеть, что «всемирная республика» в глазах Клоотца была условием победы революции в родной ему Рейнской Германии.⁵⁸

Всемирная республика представлялась Клоотцу, как объединение человечества в единую нацию с общими законами. Будут упразднены религия, рабство, деспотизм и армии. Все люди станут братьями или «германцами»,⁵⁹ «germains». Сами собой прекратятся войны и настанет вечный мир. Республика будет длиться на департаменты. Париж станет ее центром, в котором созывается Национальное собрание. Из органов исполнительной власти останутся только министерство внутренних дел, внутренняя полиция и суд. Дипломатия и ее органы станут излишни и будут упразднены. Законы во всемирной республике будут издаваться законодательным собранием. Для сношения учреждается Корреспондентское бюро. Французский язык станет всемирным и повсюду установится свобода научного исследования природы. Все это устройство явится результатом всемирной революции, начало которой положено во Франции.⁶⁰

Очевидно, что в основе этого построения лежат националистические и космополитические идеи о всемирной гегемонии буржуазии Франции, французского буржуазного «просвещения» XVIII в. и к ним Клоотц добавил лишь свою необузданную фантазию, пафос и типичное для некоторых немецких космополитов «галлофильство». Особенно ясно в его изложении выступают как основная предпосылка всего проекта три идеи: убеждение в универсальности единства человеческой природы, «естественных прав» человека и неизбежности упразднения разделяющих народы религии.

В 1793 г., когда жирондисты стали переходить от пропаганды войны к защите мира, они открыли яростную кампанию против Клоотца и объявили его иностранным агентом.⁶¹ Как и все враги Клоотца, они не упускали случая отметить его богатство и прусское происхождение. Мы уже знаем, что в апреле 1793 г. попытка Клоотца предложить Конвенту свою декларацию прав и проект всемирной республики была осмеяна и отклонена общими силами Жиронды, дантонистов и «болота».⁶² Клоотц еще ранее стал завязывать связи в клубе кордельеров,⁶³ но теперь он окончательно стал на сторону якобинцев и Коммуны и 5 мая в якобинском клубе призывал к восстанию.⁶⁴

Летом 1793 г. в якобинском клубе, в Конвенте и в печати Клоотц продолжал свою агитацию за войну с целью осуществления всемирной революции и присоединения левого берега Рейна. Она развивалась параллельно с кампанией «эбертистов». Клоотц руководил газетой космополитов-иностранцев под названием «Батавец» (Le Batave), которая вела полемику со сторонниками «ненадежного» и «неискреннего» (la paix platree) мира с «тиранами». В отличие от «эбертистов» и плебейских масс, внутренние революционные меры сами по себе не интересуют Клоотца, для него они только путь к военной победе. В своей речи в якобинском клубе 19 августа Клоотц призывал к строгим законам против спекуляции и к реквизициям, но не упоминал о максимуме цен. Напротив, Клоотц бросил фразу о том, что «изобилие при низких ценах не есть богатство» (abondance et non valeur n'est pas richesse).

Клоотц выражает веру в победу и требует массового набора в армию для революционного «крестового похода» на немецкие земли и Бельгию. «Победа французов, - говорит он, — дело всего человечества». По поводу массового набора в армию Клоотц восклицает: «Мобилизуйте Францию, и вы спасете род людской» (Mettez la France dans la requisition et vous sauvez le genre humain).⁶⁵ Клоотц в своих речах рисует картину предстоящего повторного освобождения французами Рейнской Германии и Бельгии: «Мы вступим в наши богатые департаменты Жемаппа и Льежа, в устье Рейна — эти древнейшие пределы Галлии, и будем петь гимны свободы под сенью наших победоносных знамен». «Поспешим всей массой к берегам великой реки и никогда германец (Germain) не пройдет вновь враждебной стопой в возрожденную Францию». Вместе с тем, призывая Францию к походу против всей Европы, Клоотц и другие космополиты совершенно не считались с ограниченностью сил и ресурсов французской республики и готовы были даже толкать ее на путь авантюризма, т.е. готовы были жертвовать интересами революционной Франции в угоду своим собственным стремлениям.

Примкнув к якобинцам, Клоотц до зимы 1793 г. вел свою агитацию, не порывая с якобинским блоком. Его связи были наиболее сильны среди космополитов-иностранцев и некоторых «эбертистов».

Летом 1793 г. подъем влияния «эбертистов» пропаганда всемирной революции и устранение Дантона из Комитета общественного спасения заставили многих космополитов-иностранцев, которые ранее связали себя с Дюмурье и Дантоном, искать связи с «эбертистами» и Клоотцем. Таковы были Проли и Дефье. Известные своими подозрительными связями с иностранцами они лицемерно заняли ультрапатриотическую позицию и проповедовали самые

крайние меры. Клоотц летом и осенью 1793 г. стал заметной фигурой, он не был связан с народными массами, с якобинцами и с «эбертистами» тесными узами общих интересов во внутренней политике, и космополитическая агитация его самого и его друзей никогда не приобретала значительного влияния на секции Парижской Коммуны и на клубы, где он был популярен, только благодаря своей антицерковной «дехристианизаторской» пропаганде. Ошибочно отождествлять патриотические и революционные взгляды на внешнюю политику деятелей Парижской Коммуны с космополитическим авантюризмом Клоотца, как это делал биограф и панегирист Клоотца буржуазный историк Авенель, совершенно ложно изобразивший Клоотца чуть ли не центральной фигурой среди якобинцев и совершенно отождествивший его взгляды со взглядами деятелей Парижской Коммуны Энгельс подчеркивал, что при ближайшем изучении борьбы среди якобинцев следует отказаться от какого бы то ни было преувеличения роли Клоотца. Рекомендую В.Адлеру переработать книгу Авенеля, Энгельс указывал, что «Клоотц при этом может совсем отступить на задний план».⁶⁶

2. Первые шаги внешней политики Робеспьеровского Комитета общественного спасения (июль—сентябрь 1793 г.)

Летом 1793 г. перед угрозой контрреволюции и расчленения Франции, патриотический революционный подъем народных масс привел к победе среди якобинцев, защитников боевой и энергичной политики, которая не могла не охватить и внешние дела.

После устранения Дантона из Комитета общественного спасения дипломатию якобинцев возглавили сторонники твердых и беспощадных мер, необходимых для разгрома коалиции и контрреволюционных мятежей внутри страны.

Секрет успеха этой политики заключался в сохранении союза Конвента и Комитета общественного спасения с пародом, т.е. с массами крестьянства, городской мелкой буржуазии и плебейства. Смелыми и бесповоротными решениями в июне 1793 г. было выполнено требование крестьянства об уничтожении без выкупа всех феодальных повинностей в деревне. Но в августе и сентябре 1793 г. Конвенту пришлось удовлетворить новые неотложные требования народных низов в продовольственном вопросе и в деле защиты страны от контрреволюции. В результате единство якобинского блока и связь его с народом укрепились. «Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., — писал Ленин, — состояло в том, что они были «якобинцами с народом», с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени».⁶⁷

В июле—сентябре 1793 г. провал планов Дантона и переход к более революционной политике повлек за собой замену многих членов Комитета общественного спасения. Но только в сентябре после долгих колебаний и смены лиц, состав его твердо установился и затем возобновлялся почти без перемен в течение ряда месяцев.⁶⁸ В Комитете были представлены, хотя и неравномерно, руководящие силы якобинского блока.

Летом 1793 г. к наиболее решительной части буржуазного крыла якобинцев принадлежали Барер, Карно, Приер-де-ла-Марн, Жанбон Сент-Андре и другие члены Комитета. Это были буржуазные деятели, смелые и энергичные, но совершенно чуждые каких-либо мелкобуржуазных уравнилельных идеи в области экономических отношений. Они решились на временное установление революционной диктатуры и на уступки народу ради победы над коалицией, защиты и укрепления буржуазной Франции. Для них попытки компромисса с коалицией, предпринимавшиеся Дантоном, были неприемлемы. Влияние их в Комитете было очень велико и, несомненно, эти деятели пользовались большой популярностью не только среди монтаньяров, но и среди значительной части «болота» Конвента, жаждавшей разгрома феодально-монархической контрреволюционной коалиции. Большинство членов Комитета общественной безопасности и комиссаров Конвента принадлежало тому же буржуазному крылу якобинцев. Многие комиссары были типичными людьми «болота», примкнувшими к монтаньярам. Во всяком случае, и после перехода Дантона в оппозицию политика Комитета общественного спасения сохранила себе отпечаток капиталистических интересов наиболее революционной части французской буржуазии.

Левую часть Комитета общественного спасения в сентябре 1793 г. образовали Билло-Варенн и Колло д'Эрбуа, которые требовали более смелых уступок плебейским массам в деле осуществления революционного террора. Но главные силы и непосредственные вожаки плебейства, находились вне Конвента и Комитета общественного спасения — источник влияния плебейских масс бы и в секциях Парижской Коммуны, в клубах, в народных обществах и революционных комитетах.

Руководящее положение о Комитете общественного спасения второго года республики заняли Робеспьер и Сен-Жюст — представители мелкобуржуазного течения среди якобинцев. Робеспьер был включен в Комитет общественного спасения только 25 июля, и с тех пор его влияние быстро возрастало. Но не следует забывать, что только к концу сентября или октября он стал фактическим главою Комитета.

Переход решающего влияния в руки Робеспьера и Сен-Жюста осенью 1793 г. заслуживает особого внимания. Их личные дарования несомненно помогли им возглавить политику якобинцев, но эти дарования сами по себе не могут объяснить тот факт, что ни буржуазное, ни плебейское крыло якобинского блока не смогли обеспечить себе в Комитете руководящую роль, которая досталась Робеспьеру и Сен-Жюсту. Причина этого явления лежит во взаимной борьбе и своеобразном временном сплочении трех течений среди якобинцев, на почве которого Робеспьер поднялся до положения главного вождя всей якобинской политики. Резкие противоречия между буржуазной частью якобинского блока, с одной стороны, и массами мелкой буржуазии и плебейства — с другой, можно было на время устранить путем проведения смелых уступок народу, но без покушений на мелкую и среднюю частную собственность, и чтобы сохранить единство якобинцев до разгрома коалиции и освобождения страны. Для выполнения этой исторической задачи — сплочения якобинского блока — более всего подходили Робеспьер и Сен-Жюст, с их мелкобуржуазными демократизмом и политикой укрепления союза якобинцев с народом. Стремление к ограничению чрезмерной роскоши и к устранению нищеты, решимость их поддержать продовольственные требования плебейских масс, осуществить террор против контрреволюционеров, вести беспощадную войну и революционную внешнюю политику соединялись у них с противодействием крайним требованиям стихийного передела крупных состояний еще более широкого применения террора против богатых. На этой основе Робеспьеровский комитет общественного спасения смог на время сплотить все три течения якобинцев: наиболее смелую революционную часть буржуазии, широкие слои городской и деревенской мелкой буржуазии и плебейство и опереться на широкие народные массы, как решающую силу в проведении твердой революционной политики.

Якобинцы представляли собой блок различных социальных групп с различными стремлениями, но общая борьба с внешней и внутренней контрреволюцией сплотила их. Внешняя политика якобинцев никогда не была чисто мелкобуржуазной или чисто плебейской, а всегда оставалась связанной с задачами капиталистического развития Франции. Она подтверждает то положение, что якобинцы в целом были наиболее смелыми и решительными представителями революционного класса своего времени — буржуазии. Ошибочно изображают диктатуру якобинцев защитницей интересов «только самостоятельных мастеров и мелких лавочников» или как власть, которая «ничего не могла дать народу», или же власть, «направленную против буржуазии».⁶⁹ В состав якобинского блока входила и наиболее революционная часть буржуазии и массы революционной мелкой буржуазии, и плебейство городов и деревень.

После устранения Дантона из Комитета общественного спасения, внешними делами в нем ведали Барер, Эро де Сешель и Робеспьер.

Влияние Эро де Сешеля сказывалось лишь в августе 1793 г., да и то во второстепенных делах. В частности, оно проявилось в подборе и отправке агентов в Швейцарию, чтобы подготовить там переворот и присоединение маленьких пограничных городских республик. После провала дипломатии жирондистов и Дантона Эро де Сешель стал на путь авантюристической революционной пропаганды в соседних нейтральных странах в духе взглядов иностранных революционеров-эмигрантов.

Руководящая роль во внешних делах, особенно с сентября 1793 г., принадлежала Робеспьеру и Бареру. Оба они были яркими противниками всяких мирных переговоров до полного разгрома коалиции и освобождения страны от интервентов. В ораторском таланте Барер мало уступал Робеспьеру и речи их в Конвенте возбуждали революционный и воинственный пыл якобинцев. Министром иностранных дел оставался ставленник Дантона Дефорж, но он находился в тени и был лишен всякого политического влияния.

Первым делом Комитета общественного спасения после вступления в него Робеспьера было прекращение всяких попыток завязать мирные переговоры с государствами коалиции. Робеспьер, как и Марат,⁷⁰ всегда был противником извилистой и соглашательской дипломатии Дебрена и Дантона. Теперь настала пора положить ей конец. 1 августа в Конвенте Барер призывал к войне до полного сокрушения коалиции и контрреволюции при помощи самых беспощадных средств. По своему тону и призывам к войне а *outrance* против правительств коалиции эта речь Барера отличалась от статей в газете «Pere Duchesne» только литературностью стиля.

20 августа 1793 г. Комитет общественного спасения постановил, что министерство иностранных дел должно действовать в строгом соответствии с принципами конституции 1793 г. относительно внешней политики. Комитет решил, что необходимо «показать Европе могущественную республику, обязанную своим существованием исключительно собственным силам и не желающие ни вмешиваться в управление какого бы то ни было народа, ни присоединяться к войнам других народов». Министр иностранных дел «будет отныне вести различные дипломатические дела на этом конституционном основании и озаботится средствами к выяснению и расстройству интриг, проделок и коалиций европейских тиранов и их правительств, не устраняя дружественных и торговых сношений, которые должны существовать между всеми народами при условии не клониться ко вреду независимости республики и не связывать никакими обязательствами».⁷¹ Итак, требовалось сохранить торговые и дружественные отношения с нейтральными государствами, добыть сведения о намерениях коалиции и попытаться расстроить их, не вступая в мирные переговоры. Конституция 1793 г. запрещала вести переговоры о мире с неприятелем, занимающим французскую землю.

6 сентября Комитет общественного спасения приказал арестовать англичанина Матьюза, который, будто бы по неофициальному поручению английского правительства весной или в начале лета сообщил в министерство иностранных дел условия мира, рассчитывая, по-видимому, на первое влияние Дантона. С этого времени сила революционного оружия провозглашалась единственным средством принудить коалицию к миру на приемлемых условиях, 20 сентября официальная газета «Moniteur» обрушилась на распространителей слухов о мире. Они «возобновляются в этот момент особенно подозрительным образом, — пишет газета, — может быть, они имеют целью охладить патриотизм и храбрость в наших молодых гражданах, подлежащих призыву, но ловушка слишком груба, чтобы они попались в нее. Нет, мир не является ни необходимым... ни правдоподобным... не забудем, что мы не имеем другого средства принудить тиранов к миру, как привести их нашей доблестью (valeur) и нашими успехами к невозможности вести войну».⁷²

Комитет общественного спасения пресек все попытки дантонистов вступить в переговоры с Англией, которая была главным организатором и банкиром коалиции. Эта позиция Англии была следствием того, что, несмотря на изгнание французов австрийцами из Бельгии и Голландии, английская буржуазия не хотела допустить сохранения и укрепления революционной французской республики, которая стала бы могучим соперником Англии на рынках и в политической жизни Европы и колоний. Питт желал захвата Дюнкерка, французских колоний и победы всех участников коалиции над Францией, чтобы подавить в ней революцию и предотвратить подъем могущества французской буржуазии.

После устранения Дантона из Комитета общественного спасения якобинцы провозгласили беспощадную войну против Англии. 1 августа Барер призывал к сокрушению современного «Карфагена». Конвент объявил Питта «врагом человеческого рода». В отличие от Дантона, Робеспьер и Комитет общественного спасения видели главного врага не в Австрии, а в Англии. Чтобы положить конец надеждам дантонистов на компромисс с нею и произвести переворот в принципах внешней торговой политики, Барер 21 сентября выступил от имени Комитета с большой речью против Англии. Конвент принял против нее Навигационный акт, подобный знаменитому акту Кромвеля, запрещавший доступ английским судам и товарам во Францию. Этим принципиальным Актом, направленным против английской торговли и промышленности, якобинская диктатура порвала с жирондистской политикой свободы торговли и отрицания протекционизма, в его крайних проявлениях. Якобинская диктатура приблизила принципы внешней торговой политики революции к интересам молодой промышленной буржуазии Франции, страдавшей от английской конкуренции, и повернула ее на путь решительной борьбы с Англией.

Внутренние отношения между различными группами французской буржуазии еще слишком мало изучены, чтобы можно было делать далеко идущие определенные выводы, но следует отметить, что наиболее страдавшие от английской конкуренции отрасли текстильной, шерстяной и металлообрабатывающей промышленности были размещены преимущественно на северо-востоке и в центре Франции, т.е. в тех крепко спаянных с Парижем департаментах, которые вместе с Парижской Коммуной были главной опорой и якобинской политики и «болота» Конвента. Наоборот, стремление жирондистов к свободе торговли и к соглашению с Англией вполне соответствует торговым и сельскохозяйственным интересам, буржуазии приморских департаментов юго-запада страны и парижских мануфактуристов, производивших предметы роскоши. Именно эти круги буржуазии были опорой жирондистов.

Политическое антианглийское значение якобинского буржуазного протекционизма особенно хорошо видно из того, что его идеи были использованы впоследствии крупной буржуазией и оказали непосредственное влияние на внешнюю торговую политику Директории и Империи. Идеи Навигационного акта 1793 г. получили дальнейшее развитие и после падения якобинцев во время продолжения войн с Англией. При Директории и Империи принципы этого акта были последовательно распространены на все завоеванные Францией области. Наполеон

обобщил их и превратил их в идею Континентальной блокады Англии, происхождение принципов которой восходит к перевороту, произведенному революцией во внешней торговой политике Франции.⁷³

В ходе революции якобинцы наиболее решительно порвали с политикой абсолютной монархии, приносившей промышленность в жертву интересам дворян землевладельцев и купечества приморских провинций. Для оценки исторического значения этого факта напомним еще раз, что договор 1786 г. с Англией был заключен на основе принципов, близких к свободе торговли, но немедленно вслед за его подписанием началось движение за протекционистский тариф против политики двора и против учений, «экономистов», прославлявших свободу международного обмена. В 1789—1792 гг. это протекционистское и антианглийское течение еще не смогло подчинить себе внешнюю торговую политику Франции. Его слабость была обусловлена слишком большим удельным весом торговых и сельскохозяйственных интересов землевладельцев и буржуазии по сравнению с пито росами промышленности. Наконец, даже значительная часть старых отраслей самой промышленности, как шелковая, или производящая так называемые «парижские изделия», не конкурировали или мало конкурировали с английскими капиталистами, которые сбывали другие товары. Это же соотношение интересов объясняет сравнительную умеренность таможенного тарифа 1791 г. и пристрастие жирондистов к свободе внешней торговли. Ориентируясь на соглашение с Англией и полюбовный раздел с нею колониальных рынков, жирондисты не могли быть защитниками строгого протекционизма.⁷⁴ Торговый договор 1786 г. с Англией был формально упразднен лишь 1 марта 1783 г., после полного провала жирондистской политики компромисса с Англией и начала войны с нею.

Война с Англией сама собою ликвидировала выгоды от торговли с нею, которые вызывали во Франции противодействие решительной протекционистской политике, и сделала неизбежным крутой перелом в принципах внешней торговой политики. С другой стороны, интересы промышленников, страдавших от английской конкуренции, в годы революции усиливали протекционистские и антианглийские настроения. С весны 1793 г. получило благоприятную почву для своей победы стремление части французской буржуазии к строгому протекционизму, который сулил расцвет многих отраслей национальной промышленности и мореходству и навсегда оградил бы их от угрозы английской конкуренции. Вместе с тем условия войны придавали этим мерам не столько немедленное практическое значение, так как торговля с Англией все равно была прервана самой войной, сколько характер принципиальных политических декларации и программы непримиримой войны с английской буржуазией.

Чрезвычайно интересна та форма, в которую сторонники протекционизма него противники облекали свои стремления. «Экономисты» XVIII века и жирондисты выступали за свободу морей и свободу торговли под знаменем борьбы с феодальной ее регламентацией при абсолютной монархии во время упадка системы меркантилизма. Они критиковали и отвергали меркантилистскую теорию торгового и платяжного баланса страны. Протекционисты также не признавали меркантилистской теории баланса, но в своей политике они прибегали к образцам времен расцвета английского меркантилизма при Кромвеле. Сама мысль о подражании Навигационному акту 1651 г. выражала стремление использовать эти традиции. Но было бы глубокой ошибкой отождествить сущность явлений по сходству их внешности и видеть в таможенном тарифе 1781 г. и в Навигационном акте 21 сентября 1793 г. своего рода «реакцию» в торговой политике или «неомеркантилизм». Под внешней оболочкой старых традиций меркантилизма здесь пробивает себе дорогу протекционизм французской промышленной буржуазии, связанный, с развитием и успехами капиталистической промышленности. Меркантилистская теория, баланса страны была уже чужда защитникам протекционизма во время французской революции. Источник богатства страны они видели не в обмене, а в производстве. Тариф 1791 г. и Навигационный акт и запрещение, английских товаров в октябре 1793 г. имели своей целью лишь покровительство растущей национальной промышленности, торговле, судостроению и мореходству. В отличие от меркантилизма, устанавливавшего мелочную опеку промышленности и торговли, эти меры связывались с освобождением их от всякой регламентации внутри страны.

О том, что весной 1793 г. заботы о промышленности особенно сильно занимали комитеты Конвента, мы имеем совершенно несомненные свидетельства: 18 мая Комитет земледелия и торговли решает обратить особое внимание Конвента на ее поощрение и летом последовали практические меры» в частности 16 июля был запрещен вывоз необработанного шелка.⁷⁵ С весны 1793 г. начинается и подготовка Навигационного акта.⁷⁶ Комитет общественного спасения 29 мая принял решение о выработке его проекта.⁷⁷ Эта задача была поручена Комитету торговли и мореходства, который возложил ее на депутата Марэка (Marec). На разработку Навигационного акта значительное влияние оказали взгляды Дюшэ (Ducher), бывшего французского вице-консула в США — яркого защитника протекционизма и торгово-промышленных интересов французской буржуазии. Дюшэ изучил американское торговое законодательство и, вернувшись во Францию, стал пропагандировать в памфлетах и газетах протекционизм и отмену таможенного барьера

между Францией и ее колониями, с тем чтобы этот барьер окружал лишь внешние границы всех ее владений. Взгляды Дюше приобрели особую популярность с началом войны против Англии. Есть основания полагать, что Дюше принимал участие и в подготовке протекционистского акта 1 марта 1793 г., формально отменявшего торговый договор 1786 г.⁷⁸

3 июля Марек прочел в Конвенте свой доклад о Навигационном акте. Он обрушился на «фантазии экономистов» о свободе внешней торговли и требовал экономической борьбы с Англией. Протекционизм и Навигационный акт, по его мнению, должны обеспечить Франции расцвет ее промышленности, торговли, мореплавания и сельского хозяйства. Тем не менее проект не был принят. Главные опасения вызвал возможный ущерб для французской торговли в случае недопущении во французские гавани иностранных судов с товарами, не произведенными в стране, под флагом которой они плавают. Французский торговый флот не мог сам справиться с задачами внешней торговли, которые оказались бы целиком возложенными на него при таких условиях. По данным Марка, из числа судов, обслуживавших французскую, морскую торговлю, 3/10 принадлежали французам, 4/10 — ганзейским городам и 3/10 — прочим государствам. Так как из последних 3/10 судов большая часть были английские и голландские, а суда ганзейских городов перевозили товары, произведенные в других странах, то Франция сразу лишилась бы большей части торгового флота, посещавшего ее порты. После доклада Марка Конвент не решился принять Навигационный акт, опасаясь, что французские купцы будут лишены услуг судовладельцев ганзейских городов, и отложил утверждение проекта.

21 сентября Барер выступил с громовой речью против Англии и снова предложил принять Навигационный акт, но с тем, чтобы во время войны он не распространялся на торговые суда нейтральных государств.⁷⁹ Фактически это лишало Акт практического торгового значения до заключения мира. Но было бы большой ошибкой делать из этого вывод, что доклад Барера и принятие Навигационного акта было пустой словесной декларацией.⁸⁰ Навигационный акт оставался важной принципиальной политической мерой. Он наносил удар надеждам дантоновцев на мир и на соглашение с Англией⁸¹ и выражал твердую решимость якобинской республики вести с нею дальнейшую борьбу. В июле 1793 г. дантоновский Комитет общественного спасения настаивал на принятии к Навигационному акту оговорки об исключении его действия судов нейтральных государств именно потому, что с этим условием Акт приобретал значение политической меры, провозглашавшей Англию войну а *outrance*. В сентябре положение изменилось: речь Барера против Англии и принятие Навигационного акта соответствовали решительному антианглийскому курсу политики Комитета общественного спасения и требованию народных масс вести революционную войну до полного разгрома коалиции.

Барер в своем докладе рисовал огромные экономические выгоды, которые принесет Франции непосредственная торговля с другими странами, и создание собственного мощного торгового флота. Он подчеркивал выгоды от судостроения, которые извлекут капиталисты-судостроители приморских городов. Этим он старался успокоить и купцов, недовольных разрывом с Англией. «За восстание, — заявил Барер, — республика не мстит приморским городам и «платит им выгодным Актом».⁸² Кроме того, Барер предложил отменить пошлины между Францией и ее колониями.

Потеря торговли с Англией и боязнь отпадения колоний заставила якобинцев провозгласить стремление привлечь больше товаров из колоний и освободить их от ввозных пошлин. Следуя идеям Дюше, Барер 11 сентября провел декрет об управлении таможенного барьера между колониями и метрополией. Барер утверждал, что ежегодно во Францию ввозится на 200 млн. колониальных товаров, но так как многие из них снова вывозятся в другие страны, то лишь часть их совсем ускользает от обложения пошлиной и таким образом даже казначейство не понесет заметного ущерба от этой меры.

Упразднение пошлин между колониями и метрополией должно было прочнее связать колонии с Францией, вознаградить их за потерю английских покупателей и расположить колонистов-плантаторов к метрополии. Барер придавал особое значение настроению плантаторов, что Англия и Испания пытались привлечь их на свою сторону и завладеть французскими колониями «путем интриг и заговоров». На другой день после обсуждения этих вопросов Комитет общественного спасения постановил подготовить для высадки в Англии десант в 100000 человек.⁸³

Внешняя торговля и политика якобинцев находилась в полном соответствии с решительным ведением войны против коалиции. Вступление Англии в войну и расширение коалиции означало полное крушение жирондистских иллюзий относительно возможности соглашения с Англией и скорого наступления вечного мира после первых же легких и стремительных побед революционных армий. Вместе с тем это был крах авантюристических иллюзий космополитов-иностранцев и провал их надежд на немедленный успех революции по французскому образцу в других странах. В 1793 г. французская революционная буржуазия отрекается от этих иллюзий и резко меняет свое отношение к иностранным космополитам-эмигрантам и к их пропаганде. На этом обстоятельстве мы остановимся более подробно и

заметим, что вопрос об иностранцах вначале потребовал особого внимания со стороны якобинцев с чисто военной точки зрения, в ходе борьбы со шпионажем.

Создатели коалиции — Питт, Австрия и Пруссия — посылали во Францию множество агентов для тайной подрывной шпионско-диверсионной деятельности против революционной диктатуры. Английские шпионы снабжали деньгами контрреволюционные восстания в отдельных городах. Тайные агенты Англии устраивали пожары и взрывы в Дуэ, в Лориане, в Валансьене, на патронных заводах Байонны, в артиллерийских парках, арсеналах и на складах фуража. Агенты Австрии и Питта наводняли Францию фальшивыми ассигнатами и вербовали убийц среди священников и женщин, фанатически настроенных и находившихся под влиянием контрреволюционной агитации духовенства. В июле 1793 г. на городском валу Лилля был найден потерянный портфель английского шпиона. Обнаруженные бумаги показали, что этот агент еще с января раздавал деньги в Лилле, Гавре, Дюнкерке, Руане, Аррасе, Булони, Сент-Омере, Туре, Кане, т.е. в тех городах, где вспыхнули контрреволюционные мятежи. Инструкция, которой шпион снабжал завербованных им лиц, рекомендовала им заготовить фосфорные фитили для поджога арсеналов и складов.⁸⁴ Английские агенты старались усилить спекуляцию съестными припасами и распространяли тревожные слухи. В Париже почти все иностранные правительства имели своих шпионов, скрывавшихся под красными якобинскими колпаками, которые долго служили им надежной защитной маской. Так, например, испанский посол в Венеции был связан с неким роялистом, который посещал клубы и добывал нужные сведения под видом ярого приверженца Марата.⁸⁵ В Париже находился тайный агент командовавшего австрийскими войсками принца Кобургского. Шпионы с большой легкостью прикидывались революционерами с целью быть после этого гарантированными от ареста. Они нередко проникали на должности, дававшие доступ к секретным сведениям. Робеспьер однажды записал себе в памятную книжку, что нужно иметь два плана: один настоящий и совершенно секретный, а другой для канцелярских служащих Комитета общественного спасения, чтобы навести шпионов на ложный след. Борьба с иностранным шпионажем была трудна и вначале велась без достаточной энергии и бдительности по отношению к иностранцам.

XVIII век, как и в другие времена, шпионаж и диверсия были орудием войны. Но шпионаж и диверсии со стороны контрреволюционной коалиции против революционной Франции приняли особые размеры и разнузданный характер. Во Французской республике контрреволюционная коалиция видела отрицание всех начал феодально-монархического права и решила поставить ее вне всяких международных правовых норм и обычаев. Нота английского кабинета от 17 июля цинично и нагло объявила, что Франция будто бы «сама поставила себя вне европейского публичного права». В отношении якобинской республики контрреволюционная коалиция считала дозволенным все — яд, убийства, поджоги, диверсии, шпионаж, подкуп, подделку ассигнатов и даже похищение французских дипломатических агентов на нейтральной территории, что часто случалось в древности, но к XVIII в. уже стало из ряда вон выходящим нарушением международного права.

Французская революция выдвинула принципы «равенства людей», «народного верховенства», «борьбы с тиранией» и «свободы», которые с точки зрения политической морали были несовместимы с подобной практикой в международных отношениях. Методом шпионажа, диверсий и военного вмешательства революция противопоставляла свои средства борьбы — пропаганду и революционную войну с ее новой тактикой и стратегией. Якобинский Конвент в декрете от 1 августа торжественно осудил «подлое, вероломное и гнусное поведение британского правительства», которое нанимало убийц, поджигателей и всевозможных преступников для «торжества тирании» и для «уничтожения прав человека».

Борьба со шпионажем и диверсиями заставила Конвент обратить внимание на поведение иностранцев и немало способствовала разрушению космополитических иллюзий и слепой доверчивости в отношении космополитов-иностранцев. Немало шпионов и иностранных агентов оказалось среди многочисленных иностранцев, живших во Франции. Значительную часть этих иностранцев представляли приверженцы буржуазной «свободы», эмигрировавшие из феодально-монархических стран в Париж и в другие города Франции. Они были основным ядром иностранных клубов и легионов. Часть иностранцев поселилась во Франции еще до революции. Заметную группу среди космополитов-иностранцев составляли банкиры, финансисты и поставщики, — также большей частью сторонники буржуазных принципов революции, но в их умеренной форме, приемлемой для богатой буржуазии, и потому преисполненные злобой вражды к якобинской диктатуре. В довершение всего с началом войны на сторону Республики перешло немало дезертиров из войск коалиции. Закон 1 марта 1793 г. давал им премию и всевозможные права и льготы. Вера в скорое и повсеместное торжество естественного равенства людей и народов породила новые моральные принципы в отношении к иностранцам, даже если они были врагами. Французская революция еще в 1792 г. в декретах Законодательного собрания провозгласила необходимость гуманного обращения не только с дезертирами, но и с неприятельскими пленными и ранеными, которым был гарантирован тот же уход и те же права, что и раненым французам.

Вера в то, что все лучшие и благороднейшие умы человечества во всех странах приемлют революцию и переходят на ее сторону, долгое время обеспечивала иностранцам дружественный и полный восторженного энтузиазма прием, которым многие из них широко пользовались для получения влиятельных и выгодных должностей, участия в издании газет, в руководстве клубами и для легкого перехода во французское гражданство с пользованием всеми, вытекающими из него правами. С началом революции во Францию хлынул целый поток свободомыслящих и революционных эмигрантов из других стран. 26 августа 1792 г. Законодательное собрание, даровало французское гражданство выдающимся передовым мыслителям и деятелям человечества — Пристли, Томасу, Пэйну, Макинтошу, Вашингтону, Песталоцци, Клоотцу и другим. Из них Клоотц и Томас Пэйн прибыли во Францию и были избраны в Конвент. Названные мыслители были защитниками буржуазных порядков. Их талант и симпатии к революции на первом этапе событий умножали ее силы. Революционеры-эмигранты дали из своей среды много талантливых и горячих борцов за революционные идеи и их осуществление как внутри, так и за пределами Франции посредством революционной войны и пропаганды. Но почти все они враждебно отнеслись к якобинской диктатуре и террору.

Если иностранцы большей частью руководились целью распространения революции на свои отечества и планами «всемирной республики», то эта цель далеко не всегда совпадала с задачами французской революционной буржуазии, которая следовала своим собственным интересам, хотя бы они и облекались в космополитическую фразеологию. Космополитизм стал для французской буржуазии формой ее национализма, стремления к агрессии, к гегемонии в Европе и к расширению своего влияния на соседние страны. Но французская буржуазия вовсе не желала доктринерски подчинить свои собственные выгоды целям иностранной революционной эмиграции, которые вкладывали и космополитические фразы свои интересы. Французская буржуазия не желала воевать и вести пропаганду революции всюду, где это хотелось космополитам-иностранцам. Примером могут быть резко вспыхнувшие разногласия между жирондистами и Клоотцем — по поводу всемирной республики, и враждебное отношение к агитации Клоотца со стороны «болота». Конвента и буржуазного крыла якобинцев. Разногласия с космополитами-иностранцами возникли и по поводу отношений с нейтральными государствами. Мирные связи со Швейцарией были поставлены под угрозу благодаря провокационной политике швейцарского эмигранта жирондиста Клавьера. Тем не менее до весны 1793 г. обилие влиятельных иностранцев и подчас весьма подозрительная и объективно провокационная деятельность их еще не казались опасными и против них не принималось никаких мер предосторожности. По отношению к ним в первые годы революции была как бы утрачена самая элементарная бдительность. Новые эмигранты непрерывно прибывали во Францию. Такое положение дел продолжалось, несмотря на суровое преследование французских подданных, всеми правительствами коалиции и строжайший запрет для них въезда на их территорию.⁸⁶ Первые меры против иностранцев были приняты весной 1793 г. и вызвала немедленный протест Клоотца. Клоотц был даже избран в члены Дипломатического комитета Конвента и получил таким образом возможность если не влиять на внешнюю политику якобинцев, то во всяком случае располагать о ней самыми подробными сведениями.

Осмеяние проектов Клоотца в Конвенте 24—26 апреля 1793 г. служит лучшим примером того, насколько ясно французская буржуазия стала к этому времени ощущать несовпадение своих интересов с целями эмигрантов-иностранцев. Клоотц выступил с речью о всемирной республике, но не имел успеха. «Республика человеческого рода, — восклицал Клоотц перед Конвентом, — не станет оспариваться никем, так как не существует сообщений между планетами». Среди раскатов смеха буржуазных дельцов «болота» Конвента, депутат Дюко прервал Клоотца ироническим возгласом: «Я требую присоединения луны к земле». Но Клоотц решил высказаться против растущего недоверия к космополитам-иностранцам, и, невозмутимо улыбаясь, продолжал: «больше нет иностранцев». «Иностранец — варварское выражение, которое будет заставлять нас краснеть...». Чтобы успокоить подозрения других народов и не придавать их присоединению к Франции видимости завоевания, Клоотц в Конвенте советовал французам даже отказаться от своего имени и принять другое название — «Germains», имевшее два значения: «братья» и «германцы». «Было бы весьма мудро и политично, — предложил он, — принять имя, которое примирит с ними обширную соседнюю страну, и, поскольку наша ассоциация есть истинный братский союз, название Germains нам прекрасно подойдет». Эти слова повлекли за собой потерю последних остатков симпатий к Клоотцу в Конвенте. Отныне полем его деятельности могли быть только клубы космополитов-иностранцев и их газеты. Французские буржуазные политики, оставлявшие «болото» Конвента, не желали знать никакой «всемирной республики» и заботились лишь о выгодах своего буржуазного отечества, как они их понимали со своей классовой точки зрения. Депутат Франсуа Робер (Robert) в своей речи 20 апреля заявил: «Я хочу, чтобы законодатели Франции забыли на мгновение о вселенной, чтобы заняться только своей страной. Я хочу, чтобы, декретируя конституцию, человек всецело отдающийся сладостным импульсам всемирной филантропии, закрыл свое сердце всякому чувству, чуждому отечеству. Я хочу своего

рода национального эгоизма, без которого мы изменим своему долгу ...».⁸⁷ Якобинцы со своей стороны опасались подозрительной деятельности иностранных космополитов.

Меры против иностранцев были вызваны несколькими причинами. Первая из них заключалась в расширении войны с коалицией и очевидном росте опасности со стороны шпионско-диверсионной подрывной деятельности ее агентов, которые легко могли укрываться под личиной революционеров-эмигрантов. С другой стороны, подъем движения парижских народных масс и установление якобинской диктатуры перепугали многих умеренных иностранцев-эмигрантов и сделали их явно враждебными революции. В том же направлении влияло недовольство значительной части населения Бельгия и левого берега Рейна, присоединением этих областей к Франции в 1792—1793 гг. и продолжением насильственного вмешательства французов в их внутренние дела после освобождения их от гнета феодализма и абсолютизма. Много подозрительных лиц было и среди дезертиров. Все эти обстоятельства ослабили космополитические иллюзии французской буржуазии и внушили подозрение против иностранцев. Весной 1793 г. были приняты некоторые предосторожности против подозрительных иностранцев, но решительные декреты в этом направлении были приняты только якобинской диктатурой. Ее меры против ненадежных иностранцев были военной и политической необходимостью.

Чрезвычайный интерес представляет тот факт, что кампанию в репрессии против подозрительных иностранцев решительно повели мелкобуржуазные демократы — Робеспьер и Марат, которые всегда считали Клоотца «берлинским шпионом», и скептически относились к надеждам жирондистов на скорую революцию в других странах. В дальнейшем ту же позицию занял Сен-Жюст. Летом 1793 г. все эти представители мелкобуржуазного демократизма к французского революционного патриотизма стремились направить революционно-патриотический порыв народа на служение национальным интересам будущей французской демократии и том виде, в каком она представлялась их воображению. Во время французской революции космополитизм «просветителей» XVIII в. был популярен среди деятелей революционной мелкой буржуазии лишь до тех пор, пока речь шла о борьбе против дворянско-династической политики, а не о разрешении собственных задач революционной якобинской республики в ее национальных рамках: Марат, Робеспьер и Сен-Жюст всегда отвергали всякую мысль не только о завоеваниях, но и о войне ради всемирной революции. С их точки зрения французам незачем было играть роль «вооруженных миссионеров» для других наций.

4 апреля 1793 г. Робеспьер потребовал изгнания из армии генералов-иностранцев. В номере «Друг народа» от 11 апреля Марат начал кампанию против «германского легиона», в рядах которого было много лиц, основательно заподозренных в «инсизмизме» (*insivisme*), что означало отсутствие республиканско-демократических убеждений. В начале мая многие офицеры легиона были арестованы. Сам легион подвергся чистке и был переброшен с восточной границы на борьбу с вандейцами, чтобы избежать его соприкосновения с австро-пруссскими войсками. 19 мая было решено не посылать дезертиров в сражения с их соотечественниками. 8 июня в Конвенте Барер потребовал изгнания всех нежелательных иностранцев из Франции, но в результате протестов Дантона, опасавшегося за участь иностранных банкиров, декрет не был принят. Тем не менее иностранцы были поставлены под надзор революционных комитетов.

Решительные меры против иностранцев впервые были приняты и декретированы 1 августа. В этот день Конвент постановил временно арестовать всех подозрительных иностранцев и запретил помещать денежные вклады в Англии. 16 августа была декретирована конфискация имущества испанских подданных. Тем не менее эти меры практически выполнялись очень медленно или не выполнялись вовсе. Испанские капиталисты, пользуясь этим, торопливо переводили свои фонды на других лиц. 26 августа пришлось вторично декретировать конфискацию их состояний с приведением ее в исполнение в 24 часа.

В сентябре последовали новые репрессии. По закону 6 сентября подданным нейтральных государств предписывалось получать в муниципалитетах удостоверения в своей революционной благонадежности (*civisme*). В случае отказа они должны были покинуть Францию. Только для льежцев и брабантцев было сделано исключение: декрет признавал их французами. В тот же день были отменены премии и льготы для дезертиров.⁸⁸

Закон 1 августа об аресте подозрительных иностранцев затронул лишь ничтожное число англичан, и в дальнейшем строгости были усилены: 9 сентября было впервые постановлено арестовать всех подозрительных английских подданных в качестве заложников. Неизвестно, как выполнялся этот декрет: по мнению Матъеза, аресту подвергалось незначительное число лиц.⁸⁹

Сложные прения вызвал вопрос о секвестре имущества иностранцев. По требованию клубов 7 сентября Конвент принял декрет о наложении печатей на иностранные банки и о конфискации имущества подозрительных иностранцев. Декрет был направлен против иностранных банкиров, спекулянтов и поставщиков, которые навлекли на себя народное недовольство и подозрения. Но уже на другой день под давлением защитников крупной буржуазии, Конвент отменил только что принятые меры. Против них выступили некоторые депутаты и члены комиссии финансов и торговли. По представленным ими исчислениям оказывалось, что из-за границы французским гражданам следовало больше платежей, чем обратно. Новые репрессии дали бы большие убытки. По этому вопросу прения не раз возобновлялись в сентябре и октябре 1793 г. 30 сентября депутат Делоне доказывал, что конфискация имущества иностранцев нарушает коммерческие права отдельных собственников в противность принципам революции и декларации прав. Но Робеспьер настаивал на конфискации. Сторонники секвестра основательно утверждали, что при падении курса ассигнатов погашение долгов французских граждан за границу стало слишком невыгодно и поэтому ответные репрессии не грозят им ущербом большим того, который понесут иностранцы.⁹⁰

Меры против иностранцев вызвали споры. Газета космополитов-иностранцев «Le Batave» осуждала их, потому что они могли коснуться многих революционеров-эмигрантов. «Эбертисты» желали направить декрет против финансистов и поставщиков из числа иностранцев. Но они настаивали на исключениях для искренних иностранных патриотов, изгнанных из своих стран за свои убеждения. Дантонисты желали, чтобы репрессии коснулись только сторонников войны а *outrance* и врагов мира, т.е. Клоотца и его друзей. Летом 1793 г. Гуффруа (Guffroy) в газете «Le Franc en vedette» вел кампанию против иностранцев-эмигрантов и их газеты «Le Batave». Во время прений о мерах против подозрительных, Дантон ядовито заметил по их адресу, что «если в их среде находится несколько патриотов, то они должны считать счастьем для себя пострадать за дело свободы».⁹¹

Но на деле дантонисты боялись за своих друзей из числа иностранных банкиров и поставщиков и, как показал Матьез, помогали им добиться снятия печатей со своего имущества. Близкий к дантонистам член Комитета общественной безопасности Шабо покровительствовал иностранным капиталистам и был противником секвестра их имущества. Шабо навлек на себя недоверие якобинцев и в середине сентября был удален из Комитета общественной безопасности вместе с Жюльеном из Тулузы, Делоне, Алькье, Осселеном, Шабо втайне заблаговременно предупредил иностранных финансистов и спекулянтов братьев Фрей, по происхождению евреев, о предстоящем опечатании их деловых книг, Впоследствии он содействовал снятию с них печатей и лично присутствовал при этой операции. Он же получил взятку в 100 или 200 тыс. ливров за содействие в снятии печатей с банка английского банкира Бойда и впоследствии добыл ему паспорт для бегства в Англию. В октябре Шабо женился на сестре финансиста Фрей и будто бы получил за ней 200 тыс. ливров приданого. За это он был освистан в якобинском клубе: якобинцы были уверены, что Шабо сам предоставил Леопольдине Фрей 200 тыс. ливров, чтобы скрыть под видом приданого свою прибыль от взяток и хищений.⁹² Так различные взгляды на войну и мир сказались на отношении к военным мерам предосторожности в отношении подозрительных иностранцев.

Крушение жирондистских космополитических иллюзий и их слепой веры во всеилие словесной пропаганды за границей проявилось также в новом взгляде Конвента на ведение войны. Отныне не словесная пропаганда, которой решающее значение придавали жирондисты, а сила должна была стать основой успеха революционных армий. 15 сентября Конвент принял инструкцию о поведении французских войск, в случае занятия страны неприятеля. Республиканским генералам предписывалось поступать по строжайшим обычаям войны, «отказываясь от всякой филантропии, направленной к разъяснению иностранным народам преимуществ и значения свободы». Рекомендовалось брать заложников, обезоруживать население, взимать контрибуции и производить реквизиции, но раскладывая их по преимуществу на богатых. Этот суровый и беспощадный язык инструкции уже ничуть не походил на манифесты Законодательного собрания и на иллюзии жирондистов весной 1792 г.

В сентябре 1793 г. натиск плебейских масс, требовавших чистки армии, и курс на решительную войну до полной победы привели к назначению новых революционных генералов. Во главе армий республики надо было поставить способных генералов-республиканцев, стоявших за смелые и энергичные наступательные действия. 24 сентября военный министр Бушотт предложил Конвенту назначить Журдана в северную армию вместо Гушара и сместить командующих армиями Рейнской и Мозельской. Министр требовал отставки лиц, которые оказались не способными к стратегии быстрых и смелых наступлений концентрированными массами войск. Гушар провинился тем, что не пустил в дело все свои резервы для удара по войскам герцога Йоркского в районе Дюнкерка и дал им ускользнуть от полного уничтожения после битвы у Гондсхооте 6—8 сентября. Войска Гушара обратились в бегство в одном из следующих боев и 11 сентября сдали крепость Ле-Кенуа. За свою нерешительность Гушар был казнен. Два других

отстраненных генерала были негодными для активных операций и не внушали политического доверия. 24—25 сентября в Конвенте и в якобинском клубе группа дантонистов и некоторые близкие к «болоту» умеренные якобинцы яростно проголосовали против назначения новых генералов.⁹³ Но Робеспьер, Барер, Билло-Варенн и другие члены Комитета общественного спасения твердо провели декрет, предложенный военным министром.⁹⁴ Для успешного окончания войны Робеспьер твердо решил сместить ненадежных и неспособных генералов, какое бы положение они ни занимали. В его бумагах ость интересная запись, относящаяся к осени 1793 г., которая показывает, что эта мера была частью общего политического плана.⁹⁵ В то же время смена генералов была дальнейшим шагом по пути удовлетворения требований «эбертистов».

«Эбертисты» желали еще более решительной чистки администрации и поенного командования.⁹⁶ Они были недовольны и тем, что комиссары Конвента подбирались из враждебных к ним лиц и протестовали сетовали против их чрезвычайных полномочий с целью захватить возможно большее влияние в свои руки. В августе—сентябре 1793 г. удовлетворение неотложных требований народных масс упрочило влияние нового Комитета общественного спасения и на известное время обеспечило единство якобинцев во главе с Робеспьером, хотя борьба среди различных течений не прекращалась и ни на один момент. Комитет общественного спасения под главенством Робеспьера принялся со всей энергией и твердостью осуществлять свою внешнюю политику. Важное влияние на ее направление оказали отношения французской республики с нейтральными странами летом 1793 г., которые Робеспьер постарался укрепить посредством дипломатии. К октябрю 1793 г. относится заметка в записной книжке Робеспьера, указывающая в качестве существенных задач революционного правительства решение продовольственного вопроса, ведение войны, подъем патриотизма, борьбу с заговорами и дипломатией.⁹⁷

Робеспьер был резко враждебен тому огульно отрицательному отношению, к дипломатии, которое проявляли космополиты-иностранцы и, под влиянием, некоторые деятели Парижской Коммуны. Сделав широкие уступки требованиям плебейских масс в отношении террора и максимума, Комитет общественного спасения прилагал все усилия для укрепления дипломатических и торговых отношений с нейтральными странами и для использования дипломатии наряду с военными средствами, в целях обеспечения победы над контрреволюционной коалицией.

¹ Архивы секций сгорели во время пожаров в майскую «кровавую неделю» при подавлении Парижской Коммуны.

² К.Маркс. Святое семейство Соч. т.III, стр.147.

³ Произвольная и совершенно несостоятельная попытка свести борьбу среди якобинцев к различию в политических взглядах и представил, движение «бешеных», как чисто политическое, сделана была в статье Ф.Козлова «К вопросу о якобинской диктатуре», способной только запутать читателя («Историк-марксист» № 3 за 1939 г.). Автор этой статьи ограничивается выяснением политических разногласий между различными течениями среди якобинцев и тем самым возвращается к методологии буржуазно-либеральной школы Олара. Тем не менее Ф.Козлов правильно подметил, что у «бешеных» были политические разногласия с робеспьеристами

⁴ G.Lefebvre Le commerce exterior en l'an II. Revolution francaise, t.LXXVIII, p.135-139.

⁵ Recueil des Actes du Comite de Salut Public, t.V, p.461/ Lefebvre, op.cit, p.135—138.

⁶ Mathiez. La levolution et les etrangers, p.148. P. 1918.

⁷ В июне—июле 1793 г. Марат был всецело поглощен внутренней борьбой в стране.

⁸ Два новых труда: Walter. Hebert et le Pere Duchesne. Paris, 1946 и Herlaut (general), Le coronel Bouchotte ministre de la guerre en Van II. T.I—II. p.1946 — полностью подтвердили огромное влияние представителей плебейства в военном министерстве и в деле реорганизации армии, которое буржуазные историки обычно приписывают одному Карно. К сожалению, обе названные работы не добавляют ничего нового об отношении, плебейских масс и их вожаков — «эбертистов к вопросам внешней политики.

⁹ Pere Duchesne, № 269.

¹⁰ Ранее Эро де Сешель поддерживал Дантона, но, видя рост влияния «эбертистов», он, по своему обыкновению, перебежал на сторону той политики, защитники которой казались ему сильнее Авантюристические приемы Эро де Сешель возбудил против него подозрения Робеспьера.

¹¹ Эбер писал в своей газете: «...il faut que nos troupes rentrent en France et qu'avant de quitter le terrain conquis elles rapportent tous les saints d'or et d'argent que les imbeciles Flamands preferent a la liberte». Pere Duchesne. N 225.

¹² Pere Duchesne, № 217, 219.

¹³ Estree, P d'Le Pere Duchesne d'Hebert et la Commune de Palis (1792— 1794) P. 1908, p.185-188, ss.

¹⁴ Pere Duchesne, № 221.

¹⁵ General Herlaut. La republicanisation des etats— majors et des cadres de l'armee pendant la Revolution. Ann.hist. de la revolution francaise, 1937, № 83, septembre—aout.

- ¹⁶ Pere Duchesne, № 225. В дальнейшем жирондисты подверглись обвинению в том, что они затеяли войну с Англией.
-
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Aulard A. (ed.). La societe des jacobins, t.V. p.102—107.
- ¹⁹ Pere Duchesne, № 246, 249, 253. (Коллекция ИМЭЛ).
- ²⁰ Там же № 252—256, 263, 267, 279.
- ²¹ Там же № 278, стр.7; № 293, 296, 300.
- ²² Там же № 253. Те же идеи развивал Шометт.
- ²³ Там же № 283, стр.7: «J'avais done raison de dire que la vertu de la sainte guillotine nous rendroit le clef dcs greniers». См. Mathiez A. Le programme des hebertistes. Annales hist. de la Ret.fr., 1920, № 2, p.132—142.
- ²⁴ Там же № 291, 270, 271, 266.
- ²⁵ Там же № 345, 346; d'Estree, op. cit, p. 478 В книге «Аграрный вопрос в эпоху террора» Ж.Лефевр показал, что требование раздела крупных ферм и ограничение размеров аренды выдвигала в 1793-94 г. деревенская беднота.
- ²⁶ «Je voudrais que dans les halles et les marches les hommes utiles, les ouvricre eussent la premiere part. Les subsistances appartiennent de preference a ceux qui travaillent pour les autres». Pere Duchesne. № 346, p.6.
- ²⁷ Цит. по Tridon G., Les Hebertistes (Oeuvre divers. P. 1891, p.87—89.
- ²⁸ Pere Duchesne, № 272.
- ²⁹ Там же № 263.
- ³⁰ Там же № 258, 269.
- ³¹ Там же № 279. Намек на дантонистов.
- ³² Там же.
- ³³ Надо, чтобы «... les frals de la guerre solent payes par tous lee j... f... qui se sont engralsses du sang du peuple». Pere Duchesne, № 221.
- ³⁴ «... qui vont se foutre un coup de poigne avec les brigands de la Vendee» Pere Duchesne, № 236.
- ³⁵ «...le grand pro jet pour ronger les ongles des gros fer miers, des bouchers et des tous les affameurs du peuple et pour procurer l'abondance aux armees an reduisant la pitance des riches faineantes et de tous les musoadins et muscadines qui intent la linotte». Pere Duchesne, № 246.
- ³⁶ Pere Duchesne, № 258, 259, 262 (конец июня-июль 1793 г).
- ³⁷ Там же № 263, 266 (август—сентябрь 1793 г).
- ³⁸ Там же № 720, 271, 266.
- ³⁹ Herlaut, op.cit, p.387-391, 394.
- ⁴⁰ Herlaut, op.cit, p.390-394. Pere Duchesne, № 264-265.
- ⁴¹ Против Кюстина см. Pere Duchesne, № 251, 257, 264, 267. Генерал Кюстин сдал Майнц, не исчерпав всех возможностей к сопротивлению. Он мечтал о диктатуре для подавления народного движения в Париже, хотел мира с Пруссией и был противником энергичных наступательных действий.
- ⁴² Число обученных офицеров-дворян было весьма велико. Следует помнить, что в августе «эбертисты» приобрели в якобинском клубе огромное влияние. Herlaut, op.cit, p.394—396.
- ⁴³ Herlaut, op.cit, p.399—400.
- ⁴⁴ Mathiez. La victoire en l'an II. P. 1916, p.116—124 Необоснованным вымыслом, теперь вполне опровергнутым, можно считать клеветническое утверждение Зибеля, что «массовый набор» имел целью высылку на фронт зажиточных граждан. См. Sybel, H. Geschichte der Revolutionszeit. Bd.11, S.445—450. Противоположные данные собраны у Herlaut, op.cit., p.402—409.
- ⁴⁵ d'Estree, op.cit, p.477, Brunet, Le Pere Duchesne (см. № 174—175).
- ⁴⁶ Pere Duchesne, № 217.
- ⁴⁷ Цит. по Tridon G. Les Hebertistes. (Oeuvres-diverses P. 1891, p.87-88).
- ⁴⁸ Мнение реакционного германскоу историка Зибеля.
- ⁴⁹ См. письма Т.Пэна Дантону. Robine, Danton emigre. P. 1686. Pieces justificatifs, № 19.
- ⁵⁰ Stern S. Anacharsis Kloots der Redner des Meuschengeschlechfs. 1914,
- ⁵¹ Avenel G. Anacharsis Cloots l'orateur du genre humain, P. 1865, t.II, p.41.
- ⁵² Ролан был против присоединения Савойи. Он считал, что его желает только ничтожная часть савойцев, живущих в Париже («les savoisiens de Paris»).
- ⁵³ Stern, op.cit, S.202, ff.216.
- ⁵⁴ Avenel G. Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain, T.II, p.101—102. P. 1865. .
- ⁵⁵ Avenel, T.II, p.101—102. P. 1865.
- ⁵⁶ Aulard. La societe des jacobins, t.V, p.28.
- ⁵⁷ Ibidem.
- ⁵⁸ A.Cloots. La Republique Universalle ou Adresse aux Tyrannicides. A. Paris. Lan quatre de la Redemption, p.56 (коллекция ИМЭЛ) Клоотц был родом из Клеве на Рейне.
- ⁵⁹ «Germaines» — это слово значило «братья» и «германцы».
- ⁶⁰ A.Cloots, Les bases constitutionnelles de la republique du genie humain. Весна 1793 г. (Коллекция ИМЭЛ).

- ⁶¹ Avenel. Op.cit. Т. II, p.68; *Repose au prussien Cloolz* (Роллана, Керсена, Гюаде, Бриссо.) Р. 1793. Коллекция ИМЭЛ. Фотокопия.
- ⁶² См. главу IV.
- ⁶³ Avenel. Op.cit. Т. I, p.388.
- ⁶⁴ Aulard. *La societe des jacobins*, т.V, p.173.
- ⁶⁵ A.Cloots. *Croisade civique*. Речь в якобинском клубе 19 августа 1793 г. Коллекция ИМЭЛ.
- ⁶⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч. т.XXVIII, Политиздат. 1941, стр.161-162. Письмо В. Адлеру от 4 декабря 1889 г.
- ⁶⁷ Ленин. *Переход контрреволюции в наступление* Соч., т.XX, стр.435.
- ⁶⁸ В отличие от Дантоновского Комитета общественного спасения первого года республики, созданного в апреле 1793 г., этот новый Комитет принято называть Комитетом второго года республики.
- ⁶⁹ Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР. Сборник «К изучению истории». Партиздат. 1937, стр.37.
- ⁷⁰ В газете Марата была напечатана статья против Лебрена и против переговоров о мире до победы, написанная итальянцем Пио (Pio). Эти переговоры он расценивал как прямое преступление против отечества. См. Mathiez. *La Revolution et les etrangers* P.105. P. 1918.
- ⁷¹ *Recueil dca Actes du Comite de Salut Public*. Т. II, p.39—40.
- ⁷² *Moniteur*. Т.XVII, p.685 (Reimpression). Автор статьи, по-видимому, Дюшт (Ducher), о котором см. ниже.
- ⁷³ Nussbaum. *Commercial Policy in the French Revolution. A Study of the Career of G.J.A. Ducher*. Washington. 1923.
- ⁷⁴ Выше была указана связь жирондистов с купечеством приморских департаментов юго-запада Франции и с капиталистами Парижа, производившими предметы роскоши.
- ⁷⁵ О промышленности в это время см. *Collection des documents inedits sur l'histoire economique de la Revolution francaise. Proces verbaux des Comites d'agriculture et du commerce de la Constituante de la Legislatibe et de la Convention*. Publies et annotes par F.Gerboux et Ch.Schmidt. Т.III-IV, p.1909-1910.
- ⁷⁶ Следует вспомнить, что еще весной 1793 г. влияние в Конвенте жирондистов на вопросы внешней политики ослабело и перешло к якобинцам и «болоту».
- ⁷⁷ Buchez et Roux. *Histoire parlementaire*. Т.32, p.461-465.
- ⁷⁸ Nussbaum. *Commercial Policy in the French Revolution. A Study of the Career of G.J.A. Ducher*. Washington. 1923.
- ⁷⁹ Доклад Барера см. *Histoire parlementaire*. Т.32. p.461—480, особ.454—465 и 481—482. Исключения для нейтральных были подтверждены и 18 октября 1793 г. — см. Nussbaum. Op.cit., p.112-113.
- ⁸⁰ Мнение Левассера, Лефевра и других историков французской торговли.
- ⁸¹ Все сторонники войны а *outrance* были в восторге от этой меры. Клоотц считал, что Навигационный акт — это «благословение, которое Франция принесет в Нидерланды и на левый берег Рейна вместе с конституцией». Nussbaum. Op.cit., p.281.
- ⁸² *Histoire parlementaire*. Т.32, p.480. Еще 1 марта 1791 г. по настоянию судостроителей приморских городов была запрещена покупка судов иностранной постройки.
- ⁸³ *Moniteur*. Т.XVII, p.640; E.Desbriere. *Projets et tentatives de débarquement aux ils britanniques*, Т.I, p.32—35. P. 1900.
- ⁸⁴ Mathiez. *La revolution et les etrangers*, p.138—139, p. 1918, Матьез, *Французская революция*, т.III, гл.VIII.
- ⁸⁵ См. письмо испанского посла в Венеции к испанскому министру иностранных дел герцогу д'Алукдья от 31 июля 1793 г. *Papiers inedits trouves chez Robespierre*, p.288—395. 1828,
- ⁸⁶ Mathiez. *La revoltttion et les etrangers*, p.90—91, p. 1918
- ⁸⁷ *Archives Parlementaires*. Т.LXIII, p.393 (перепеч. из *Mercure Universel*, p.385).
- ⁸⁸ *Moniteur*. Т.XVII, p.534.
- ⁸⁹ Mathiez. Op.cit., ch.IX.
- ⁹⁰ Mathiez. Op.cit., p.148, 154, 162.
- ⁹¹ Mathiez. Op. cit., p.144—148; *Moniteur*. Т.XVII, p.539. Т.XVII. p.12-14.
- ⁹² Mathiez. *La revolution et les etrangers*. P. 1918, p.150-153; Mathiez. *La revolution francaise*. Т.III, ch.VIII.
- ⁹³ Sorel A. *L'Europe et revolution francaise* Т.III, p.475. P 1891.
- ⁹⁴ Тюрю, Дюгем, Брие, Бурдон из Уазы, Гуппю де Фонтунэ, Дюруа, Шабо и другие. Командующим рейнской армией 28 сентября был ипчначеп Пшчегрю. Ферран, назначенный в мозельскую армию, не оправдал себя. 22 октября во главе ее был поставлен Гош.
- ⁹⁵ «Каковы препятствия к установлению свободы? Война внешняя и война гражданская. Каковы средства привести к концу внешнюю войну? Поставить республиканских генералов во главе армий и наказывать тех, кто будет нам изменять». После перечисления разных мер под пунктом 4, Робеспьер записал «продовольствие и популярные законы». *Papiers inedits trouves chez Robespierre*. Т.III, p.14-15. P. 1828.
- ⁹⁶ 27 сентября в якобинском клубе это вызвало первое крупное непосредственно столкновение Робеспьера с Эбером, который даже потребовал замены Комитета общественного спасения конституционной исполнительной властью. Но это выступление не встретило поддержки и не имело серьезных последствий Aulard. *La societe des jacobins*. Т.VI, p.420.
- ⁹⁷ «Points essentiels du gouvernemens:
- Sublistances et approvisionnement.
- Guerre.
- Esprit public et conspiralions.
- Diplomatic.
- Цит. по критич. изданию Матьеза: Mathiez, *Robespierre terrorisse* p.1921, p.70.